

ВИКТОР ФЕТ

ТКАНЬ ПАМ'ЯТИ

СТИХИ АВГУСТА – ДЕКАБРЯ 2022

Друкарський двір Олеса Федорова
2022

УДК 821.161.1'06(73)-1
Ф45

СЕРІЯ TEXTUM @RANEUM
Заснована у 2010 році

Фет, Виктор

Ф45 Ткань памяти / В. Фет. — К. : Друкарський двір Олега Федорова, 2022. — 148 с.

ISBN 978-617-8082-43-7

«Ткань памяти» — продолжение предыдущей книги стихов, «Над бездной» (К.: Друкарський двір Олега Федорова, 2022). Я несказанно рад, что стихи пишутся, и что я могу своим словом издалека поддержать друзей в борющейся Украине. В 2022 году история убыстрилась в сотни раз. Мы, может быть — последние, кто пишет на этом, стремительно исчезающем языке. В империи он умрёт от позора, его покроет вечная мерзлота. Нас, возможно, будут читать, как сегодня читают латынь — в будущих университетах свободных стран. Многие по всему миру замолчали в отчаянии — но те, кто могут ещё писать по-русски, должны превратить свой язык в действенное оружие, сделать его языком собственного голоса, тем языком, который остался для нас. Слава Україні!

*Виктор Фет, 24 декабря 2022
Хантингтон, Западная Виргиния*

УДК 821.161.1'06(73)-1

ISBN 978-966-2441-01-7 (серія T@)

ISBN 978-617-8082-43-7

© Фет В., 2022

© Федоров О. М., видавець, 2022

Содержание

Ткань	5	Гласные	51
Записи в пути	6	Пожар	52
Ненаписанная книга	8	Дневник	53
Планеты	11	Нет слов	54
Тир	12	В пещере	55
Quo vadis	13	Нам кажется	56
Буквы	14	Ноябрь	57
Смерть слов	15	Далее	58
Сто лет	16	Я не знал	59
Голос	17	Ремесло	60
Мой сурок	18	Кому	61
Здесь и сейчас	19	Так нам жить	62
Вавилонские мотивы	21	Как исчез мир	64
Сны	23	Мы рисуем	65
Реальность	24	Вверх по течению	66
Осколки	25	Бегом и шагом	68
Тогда	26	Буря	69
Текст	27	Прощание с истиной	70
Кімерія	28	Фантомные слова	71
Воображение	29	Кто знает	72
По сердцу	30	Здесь	74
История	31	Ковыль	75
Легко	32	Зима	76
Срочно	34	Время	78
Бездна	35	Глоссолалия	79
Герберту Уэллсу	36	Между	80
Дорога	38	Мы уходили	81
Отдельной жизни род	40	Я знаю	82
Последние	41	Снова	83
Интеллигенция	42	Поток	85
Найди слова	44	Стихи	86
Течёт ли время	45	Пора	87
Слоги	46	Глух и слеп	88
Лёд и огонь	48	Те, кто может	89
Аллопатрия	49	Генический район, 1967	90
Песня	50	Я здесь	91

В старой манере	92
Я не помню	94
Я должен	95
Как узнать	96
Права	98
Конец ноября	99
Ответ	100
Демиург	101
Поверхность	102
Зимнее время	103
Не поспекает	104
Нам надо	105
Баллада о трёх апельсинах	106
Далеко	110
Клад	112
Не птицы	113
Сорок лет спустя	114
Аэропорт	116
Могли ли мы?	118
Ткань памяти	120
Из пустоты	121
Каналы памяти	122
Есть время	123
Слова слетаются	124
Почему	125
Наверх	126
Малый звук	127
Возможно ли	128
Из какого сора	129
Вдруг	130
Двести лет	131
Гипотеза	132
Когда на солнце	133
Похоже	134
Чёрный лёд	136
Водород	137
2023	138
Последние дни	139
ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД	141
Об авторе	147

Ткань

Ткань наших лет, расползшихся до дыр,
век не зашьёт, не залатает;
в три дня слиняет русский мир,
кровавым призраком растает.

Беспамятство в мозгах и гниль в корнях,
безумием очерченная зона;
ткань времени, сгорающая в днях
Изюма, Харькова, Херсона.

И то, чем я пишу, мой древний слог —
он и покорен, и силён, и страшен;
через руины вавилонских башен
я волочу его, чтобы он смог,
хотя бы для друзей и для меня,
сегодня удержать мои слова,
где вся его история мертва,
и Лермонтов упал с кавказского коня,
и Тютчев общий проглотил аршин.

Другие демоны с взорвавшихся вершин
им пели гимны века золотого,
фантомного, как детская фольга;

но вновь Нерон сжигает Рим, и снова
нам остаются собственное слово
и наступающие чёрные снега.

19 сентября 2022

Записи в пути

Я без ручки как без рук —
тонкой, гелевой, не вечной;
каждый всплеск и каждый звук
тянет цепью бесконечной
в мир двойного волокна:
связь подводная, морская;
там, дробясь и пропуская
память, пенится волна.
Берег там высокий, дальний
вьётся нитью золотой:
может, дивный и печальный,
может, голый и пустой.

Здесь сверкало много ликов,
и наивно нам Языков
объяснял: за далью есть
берег блаженный рек молочных,
совесть, истина и честь —
куча сведений неточных.
Я поездил там немало,
знал добро и видел зло,
всё в отчеты записало
заострённое стило,
засоряясь от тоски.
Только где же те тетради?
подскажите, Бога ради,
где мои черновики?

Пусть усердные потомки
соберут у самой кромки
под кимвалы свой центон;
страшен меч центуриона,
но цементная корона
раскрошилась, и бетон
не имеет арматуры;
речи греческой фигуры,
как последний фюрер Крым,
скоммуниздил древний Рим.

Но с Парнаса нам счастливо
виден краешек залива,
где история лениво,
на мгновение у Лепанто
мановением гиганта
чуть коснулася руля,
и замедлилась Земля,
давши временную фору,
только пешечку одну;
дальше — сами, дальше — в гору,
в неизвестную страну.

3 августа 2022

Ненаписанная книга

Где Льюис Кэрролл сны свои случайно
записывал, там, помнится, сперва
Алиса сквозь бессмертие прошла,
не завершив нырок — он кучу листьев
ей подстелил; так прыгали и мы
в осенние и золотые кучи
в преддверии зимы. (А как бы было славно
иметь десятки, сотни продолжений;
и каждый раз в какой-то Оксфорд новый
вернуться и уснуть; и знать, что ты
проснёшься в следующем эпизоде...)
Вот вижу я холодный, голый берег
Большого Северного океана.
На берегу стоит моя Алиса.
Ей зябко. Из полярной льдистой пены
вдруг морда появилась: это Морж!
Он бодро выбирается на берег.
Он говорит по-нашему! На нём
напялена морская треуголка;
он, видно, местный лорд Адмиралтейства?
Он приглашает гостью во дворец.
Вот смена декораций, и Алиса
уж во дворце, не в каменном, однако,
а в деревянном, пахнущем смолою
и лаком. Здесь сидит на троне Плотник,
Он смотрит исподлобья — и Алисе
известна вся история его:
Вы помните, наверно: в Зазеркалье
есть лес забвения. И этот Плотник
когда-то там служил на лесопилке

и выдумал, как сохранить особый
сорт древесины, вырастить леса,
селекцию проделав на забвенье.
И с той поры собственноручно строит
он домики, лачуги и дворцы
из дерева забвения, и даром
их раздаёт всем подданным. Они же,
войдя в тот дом, блаженно забывают
всю жизнь свою... Но слуги подошли
и приглашают на обед Алису...
Не ешь, не пей в магическом дворце!
Нельзя! Забудешь всё, блаженной станешь!
Беги, уйди! Но всё переменялось,
она теперь находится в тюрьме,
прикована железными цепями
как узник в замке Иф, на много лет —
но вот в окно влетает крупный бражник
(такая бабочка; Алиса наша
прекрасно знает разных насекомых).
И бражник кажется знакомым ей.
Вы кто? Ах, я узнала Вас. Вы та
Грибная гусеница! Вот, Вы превратились
Ведь в бабочку! А по-латыни Вы
Зовётесь: Сфинкс. Да, это я и есть,
Сфинкс говорит, не разжимая губ
(или того, что вместо губ у Сфинкса).
Я твой магический помощник: вот,
возьми — и ей даёт с мохнатых лапок
горсть спор грибных. Рассыпь их поскорей
вокруг себя; грибы страны подземной

растут мгновенно и другим дают
менять размер. Уменьшись, и оковы
с тебя спадут, когда отъешь гриба.
Ты помнишь, как и где, или забыла?
Нет, нет, я ведь в тюрьме не деревянной,
не лакокрасочной; я точно помню,
с какой отгрызть у шляпки стороны.
Спасибо, Сэр!! Меняется картина:
Алиса в бурю мчит на корабле,
но не пиратском. Странная команда!
Один бобёр и девять человек,
какие-то охотники на что-то;
но хорошо, хоть можно убежать
от Плотника. Мы правим к берегам
Австралии, где высадят Алису.
Она на языке питьянтьятъяра
там объяснится с девочкой другой.
Аборигенка ей тогда расскажет,
что вся Австралия, как сыр, изрыта
ходами кроликов — их завезли
сюда, конечно, тоже англичане.
А значит, в Англию обратный путь
возможен, если в норку занырнуть
и пересечь сознания границу,
но помощью сначала заручиться
сердитых духов предков; ведь они
хозяйствуют в сети подземных лазов.
Им разбросай волшебного гриба,
его кусочки у тебя в карманах.
Не оступись, не оставляй следа!
Теперь проснись. Возможно, навсегда.

2 сентября 2022

Планеты

Мои планеты будущей весной
взойдут шарადой, сложную игрою;
её решить на плоскости земной
не очень-то легко; но я открою

мой древний труд, что выжил сквозь века
и не сгорел тогда в Александрии;
в нём каждая эпоха и строка
отобразит плоскости другие.

И я тогда решу мою шараду
о том, как вы сопротивлялись аду,
и это ведь уже не в первый раз,

и снова, как небесные сонеты,
построятся прилежные планеты,
и дружный хор светил восславит вас.

17 сентября 2022

Тир

Наш мир есть тир, дробящаяся цель,
где падший ангел, юный Виртуэль,
палит себе по нервам и мембранам
всё лето в парке, брошенном давно.

Там крутится забытое кино
по рваным парусиновым экранам,
и сцена-раквина с каждым годом
всё гуще зарастает караганой.

Вождя портрет болтается над ней,
и ангел метит в облик безымянный.
Летят дробинки из его мелкашки,

и дырочки ложатся всё плотней,
как на лугу цветы медовой каши
под детским безмятежным небосводом.

19 сентября 2022

Quo vadis

Я не уверен более ни в чём:
реальность, электроном и лучом
наш мир державшая, на новый путь
ступает по камням незнакомым,
переправляясь через реку Суть,
расставшись со своим сиротским домом.

Смотри-ка ты: ей Диккенс машет вслед,
но тщетно: не оглянется сиротка;
что ждёт её за краем околотка,
где царствуют погромщики и воры?
Куда ей путь держать? Инструкций нет;
на ложки переплавлены меноры.

А как же свет? Тверды ль его законы?
Кого ни спросишь, все отводят взгляд
и смотрят в угол; там сто лет назад
висели говорящие иконы,
но с той поры, когда пролился ад,
замёрзла речь и замерли фотоны.

И сохнет этот мир прибрежной пеной,
и мы опять уходим наугад
всё с теми же котомкой и клюкой,
и снова ищем вход в чудесный сад,
преследуя и волю, и покой,
не существующие во Вселенной.

19 сентября 2022

Буквы

Нет нужных букв: их больше не сыскать,
давно ушли и ижица, и ять,
добро забыто, и исчез глаголь;
кто нынче помнит эти буквы наши,
наивные ай-кью или пэ-аши,
определявшие и кислоту, и соль?

В конце концов, ведь в музыке — семь нот,
четыре основанья в ДНК,
а здесь, в компьютере — всего два знака:
один и ноль, и это всё — однако
мой древний разум их не разберёт,
такая азбука от нашей далека.

Пока я помню алфавит, пока
я буквы детские рисую на листе
бумаги клетчатой, мне школьная тетрадка
ещё лепечет о наличии порядка
в строеньи атома или цветка.

Так будет и в грядущей темноте.

19 сентября 2022

Смерть слов

Смерть слов не так страшна: они уйдут и так;
хотя и знак всего, слова — всего лишь знак
сознания, и памяти, и речи;
и мне не жаль переистлевших слов:
они уйдут из мира, как предтечи
грядущих и непредставимых снов;
они рососою будущей зари
взойдут в немислимые словари,
хранящие и мудрость, и печаль.

А уж империи и истинно не жаль,
чьи жала вырваны, но мерзкие тела
всё содрогаются, спалить дотла
способные наш мир. Слова её мертвы,
и быстро тает их узор затейный,
и память через города и страны
строчит, как пулемёт, машинкой швейной
и непрерывно налагает швы
на страшные осколочные раны.

21 сентября 2022

Сто лет

От праха мёртвых душ за сто последних лет
сгустилась наша атмосфера;
как едкие торфа, чадят ему вослед
надежда, и любовь, и вера.

Планета, чтобы не сойти с ума,
закрыла жалюзи и шлюзы;
на склон дельфийский наступает тьма,
и в страхе растворились музы.

Одна из них в побеге обронила
сандалию, и узкие следы
её босой ступни ещё видны

в пыли веков, пока сияет сила
воображения, пока нам снятся сны
о том, что не произошло беды.

21 сентября 2022

Голос

Подсев на мира граммофонную иглу,
мы жадно слушаем, как тот щенок в углу,
поднявши ухо, высунув язык,
как Голос Мастера вещает нам с пластинки,
но сколько ты ни жми на гиперлинки,
ты не откроешь Божий лик.

К видеoverсии нет доступа простого,
но дивный саундтрек звучит из века в век
вращениями диска золотого,
и через пустоту к бумажному листу
склоняется невидимое Слово.

21 сентября 2022

Мой сурок

Памяти Гёте и Бетховена

Мой мир суров; где кровь и кров,
он выростал весною,
сквозь мира ткань я рвусь за грань,
и мой сурок со мною.

Верчу орган, где каркнет вран,
привычен к льду и зною,
согрев свой грог, учу урок,
и мой сурок со мною.

Пытаюсь петь, сплетаю сеть,
иммунен к лжи и гною,
сквозь ставни лет я вижу свет,
и мой сурок со мною.

Кусочки слов есть наш улов,
но участью иною,
где звёзд струя, омоюсь я,
я вижу тайны бытия,
со мною истина моя,
и мой сурок со мною.

21 сентября 2022

Здесь и сейчас

Зое Полевой

Прошли эпохи од или элегий:
барахтаясь по высохшим местам,
язык лишается хозяйских привилегий,
а мысли — доступа к устам.
Словарь мой никому не нужен даром;
в нём сгнили корни слов; по капиллярам
из недр подземных восходя,
их ткани обжигает дождь кислотный;
запёкся гипс поверхностный и плотный;
иного не предвидится дождя.

Сейчас, я знаю, очень трудно петь
и говорить, пока событий плеть
ежесекундно падает на раны
сквозь прерывающиеся экраны.
Столетие пройдёт свой путь на треть
лет через десять. Как же уцелеть
и нам, и сыновьям и внукам?
Где им достать устойчивости к ядам?
Каким их нынче обучать наукам,
пока безумие на падающем троне
марает чёрные квадраты по листам
истории, плюясь свинцовым градом?

Мне говорить легко: ведь я уже не там,
не в Атлантиде и не в Вавилоне.

Здесь, на сплетении воздушных троп,
в своей командировке краткой,
давно потерянной лопаткой
я рою собственный окоп
для крошек бытия и света,
что под осколком синего стекла
хранились в ямке детского секрета
под деревом добра и зла.

23 сентября 2022

Вавилонские мотивы

На реках Вавилона,
карабкаясь вдоль склона,
перерезаю стропы,
отряхиваю прах;
посреди Европы —
замёрзшие окопы,
заброшенные тропы
в раздробленных мирах.

Я помню день вчерашний,
где все хвалились башней,
с которой шли сигналы,
но рухнула она,
и высохли каналы,
и дни вошли в анналы,
и стали воды алы
на побережье сна.

Да, да, как всегда,
зарастают города...

Владыка наш Верховный,
взгляни на мир греховный:
в платоновой пещере
застряли крепко мы;
воздай же всем по вере,
пусть и не в нашей эре:
разрушь костяк империй
и легионы тьмы.

И вот взорвались ады —
но иеремиады,
храня свою отвагу,
сверкают сквозь года;
мир катится к оврагу,
где я костями и лягу,
но имя Ирмиягу
припомнят иногда.

Да, да, как всегда,
вот такая, брат, беда...

*24 сентября 2022,
Рош а-Шана 5783*

Сны

Мне кажется, что в позабытом сне
я возвращался в эти времена,
не зная, где на протяжении сна
он перейдёт в реальность, а она
свернётся и опять уйдёт под воду,
не показав подспудную природу
вещей и смыслов, падавших в цене.
Их мир случайно открывался мне;
я помню, что язык мой был невнятен,
но вкус его был холоден и мятен.

Вокруг взрывались солнца и планеты;
я шёл сквозь них испытанной тропой
в ночи ошеломлённой и слепой
и наблюдал знакомые предметы.
И мысли вспыхивали, словно огоньки
на лодках, двигавшихся вдоль реки;
и мир, сгорая, падал в тьму ночную,
но сохранялись нужные слова,
и начиналась новая глава
старинной буквою, раскрашенной вручную.

25 сентября 2022

Реальность

Реальность здесь обогнала
фантазию уже давно,
ушла на дно, пробила дно,
из поля зрения ушла.

Кто её знает, где она,
в какие дни погружена?
На берегу какой реки
она даёт свои ростки?

Скольжу вдоль дна, ищу дыру,
куда всё ухнуло навеки,
но не уверен, что найду;

здесь ожидают, что к утру
уже замёрзнут наши реки,
и мы их перейдём по льду.

25 сентября 2022

Осколки

Слова и мысли наших дней
не нанести на карту: в ней
мир отражается двухмерный;
он не дает картины верной.

Есть дом с разбитым фонарём,
где мы осколки соберём,
и через них на солнце глянем,
и руки детские пораним.

И углублённые зрачки,
давно расширенные адом,
уйдут в условные значки
и станут букв курсивным рядом.

Их несгоревшие следы
увидят в пламени звезды,
среди серебряных песков
всходящей в мареве веков.

26 сентября 2022

Тогда

Слова ко мне приходят ежечасно;
откуда же они и чьи?
Их назначение неясно,
они текут, как горные ручьи;
непросто их подробно нанести
на карту канувших народов;
до их верховий нелегко дойти.

Тропинка шла сквозь тридцать переходов,
и мы ступали в воду каждый раз,
она послушно охлаждала нас.
Сверкали солнечные блики
в тени деревьев, и отражались лики
дриад и нимф, и строк стихотворений,
текущих из соседних измерений.

Тогда мы думали — или точнее, нам
казалось, — что, как птицам и камням,
или стихам, достаточно взглянуть
глубоким, сфокусированным глазом,
и мир откроет нам свой ясный путь,
не напрягая бедный разум.

Так воздвигались замки на песке
воображения, и нам цикады пели,
ночные бабочки на свет летели,
и мир вращался в дивном тупике.

28 сентября 2022

Текст

Мой текст напоминает тест,
где есть обдуманый ответ
на заданный вопрос — но нет
ни описаний наших мест,
ни указателя, ни точных
инструкций, ни часов урочных.

Мне кажется, что среди нас
сейчас идёт тот самый час,
где огненные времена
диктуют букв координаты,
где точно азимуты взяты,
а текста роль не так важна.

28 сентября 2022

Кімерія

Памяти Максимилиана Волошина

Почти нельзя произнести текст строф,
разбит о скалы корабельный остов;
мне видится мерцание костров:
вот он, півострів — или полуостров.

Он нам знаком уже не первый век:
мы карты старые читаем по слогам,
но нашу память здесь не похороним,
идя к взрывоопасным берегам.

Какой для них употребим топоним,
чтоб поняли его и тюрк, и грек?
мыс Меганом ли — или Тарханкут?

Ярымадасы — или Херсонес?
В бинокль на склонах виден тёмный лес,
пока Мальстрёмы в битву нас влекут.

1 октября 2022

Воображение

Воображение ведёт меня вслепую
по мёрзлым комьям будущей земли,
и свет звезды, сияющей вдаль,
не унимает в сердце боль тупую,
давно возникшую в моих кошмарах;
кровь висит в узких капиллярах.

Волы, вращая мир, идут по кругу,
скрипит его несмазанная ось;
а я по карте продвигаюсь к югу,
к горам, где мне и многим довелось
и жить, и действовать немало лет,
покуда нам не вырубили свет.

Тот век исчез, но карта та со мной:
уверенная мастера рука
на ней очерчивала берега
вообразимой участи земной,
которая казалось нам легка;
мы все тогда бежали на юга.

2 октября 2022

По сердцу

По сердцу трещина прошла,
и оказалось, что давно
из раскалённого стекла
нам было выдута оно.

Здесь, в повторяющемся сне,
кровь бултыхается на дне;
ей неизвестен выход к свету,
а может быть, его и нету.

Во тьме затерянного мира,
вминая в грязь слова-останки,
все в дырах, как мишени тира,
сгорают вражеские танки.

Из жизни вырвана страница:
в неё осколки собери
в час угасающей зари.
Покой нам даже и не снится.

2 октября 2022

История

История закончилась вчера;
не делай выводов; их опровергнут вскоре.
История есть сохнувшее море
слов, капающих с кончика пера
в безмолвие исписанной бумаги;
она мгновенно вспыхнет на огне
горящей памяти — но на моём окне
осядут капельки лете́йской влаги.

По их узорам и по их потёкам
потомок мой своим пытливым оком
окинет дни, когда царило зло,
а время то стояло, то текло,
и люди действовали невпопад,
и жили наугад и понарошку,
не ведая ни мира, ни себя,
и атомы, и статуи дробя
в сверкающую мраморную крошку,
чтоб ею вымостить дорогу в ад.

2 октября 2022

Легко

Мне говорят: легко
вам говорить — вы там,
а значит, далеко,
и вам там всё равно,
в своем приюте горном;
для вас всё как в кино,
и вы уже давно
там запаслись попкорном.

Да, мне писать легко:
слова приходят сами,
они ведь высоко
живут под небесами,
и око их остро,
и голос их небесен,
они моё перо
ведут путями песен.

Но дикая тоска
нам память разъедает,
и берег языка
в дыму сражений тает,
и то, что унесли,
последний отблеск чистый,
по краешку земли
бросаю в грунт кремнистый.

Проехали, увы,
и снег на Чёрной Речке,
и зарево Москвы,
занявшейся от свечки;
не замолить грехи
поднявшимся из ада —
а я пишу стихи:
кому-то это надо?

Чиня карандаши,
готовлю текст и роль:
нам велено играть.
Слова текут, как боль
из полости души.
Их надо записать.
Не хочешь — не пиши,
но мне тогда позволь.

2 октября 2022

Срочно

Я должен срочно занести в дневник
названия и авторов всех книг,
все имена ушедших и казнённых,
все острова от Керкиры до Крита,
покуда в наступившей темноте
под звук вращающихся дисков телефонных
на раскалённой памяти плите
ещё не выкипел мой суп из алфавита;
из детских лет изделий макаронных
макабровая смесь налипнет на язык,
застрянет в горле и подавит крик;
волной безликою всё, от чего бежали,
затопит мозг и разобьёт скрижали.

Записывай же каждый день и час,
и обо всём, что окружает нас —
на скатерти бумажной, на салфетке,
кусочком мела на асфальте дней;
я думаю, нет ничего важней,
чем оставлять сейчас такие метки,
пока мы можем их давать, пока
ещё соединяется рука
с умом через сосуды и суставы,
пока ещё не сдохли до конца
все кровавые белые тельца,
не поддающиеся опию отравы,
текущей через окна языка.

3 октября 2022

Бездна

Цепляясь за сплетения корней,
в словах запутываясь и скользя,
пытаясь увернуться от камней,
мы вверх ползём; нам вниз смотреть нельзя:
там — бездна. Мы соседствовали с ней
ещё давно, на дальних берегах;
она налипла глиной на ногах
и косной массой тянет нас назад,
и входит в лёгкие смертельным газом.
Казавшийся неуязвимым разум,
наш гордый друг, внимает невпопад
материи и дьявольской и тёмной,
заполняющей объём огромный,
давно уже переходящий грань,
где высыхают и сгорают души:
она забила взгляд, и рот, и уши,
и альвеолы, бронхи, и гортань.
Случайно уцелевшие картины
бледнеют на глазах, их поглощает тьма;
как не сойти с истлевшего ума?
Какие нам откроются вершины,
какие выси встанут вдалеке?
Чюрлёнис держит радугу в руке
и освещает тёмные долины,
но очень скоро высохнет роса,
и Гелиос начнёт свой путь покорный
над новым днём и над планетой чёрной;
кто нарисует эти небеса?

5 октября 2022

Герберту Уэллсу

Сто восемь лет назад, приветствуя войну,
как нож хирурга для насквозь прогнившей
Европы, ты, должно быть, был в плену
своей фантазии, божественно служившей
тебе, как музыкальный инструмент;
и по сей день на кадрах кинолент
машина времени и люди на Луне
доступны нам на этой же волне —
но атомный распад нам выпал картой злою.
Ты нас учил морлоку и элою,
но оказалось — ты был не пророк:
в кремле тебя в двадцатом ждал морлок.

С тобой встречалась преисподняя сама,
но ты не оценил возможный риск.
Ты посетил тогда тот край, где тьма
полдневная закрыла солнца диск.
Сентябрьский вечер был неповторим,
но он не стал тебе тогда понятен;
там Шкловский буйствовал, и выступал Замятин,
и говорил Сорокин Питирим
о крае проклятом, на горе прочим странам —
и Мура Будберг вам переводила.
Ты им казался гриновским Бам-Граном;
они перетекли в твои чернила,
и ты уехал в Англию свою —
а Врангель вскорости оставил Крым.

И вот как будто века не было и нет:
война опять бушует в том краю,
и снова люди молятся о воле,
и снова Перекоп и Гуляйполе,
и снова демоны повывлезли на свет —
они и не девались никуда;
белеет парус и горит звезда.
анчар струит смолой, привычной, как иприт;
перо Волошина, как век назад, скрипит
над тонкой гимназической тетрадкой —
но только нам теперь не встать над схваткой;
а море Чёрное по-прежнему шумит.

5 октября 2022

Дорога

В траве отыскивая слоги,
переходя через ручьи,
блуждая в поисках дороги,
сквозь сон идут слова мои.
Им не был задан точный срок
их назначения, и цели
они особой не имели,
когда скитались без дорог
вне времени, вне света дня,
ещё не повстречав меня.

Дорога есть, хотя она
на карту не нанесена;
неясны изогипс изгибы;
в воде ручья застыли рыбы,
под камнем прячется гюрза,
и собирается гроза
пролиться на сухие горы,
где мы вели былые споры
о нашей вечности, вдали
равно от неба и земли.

Тропа послушно привела
за тот хребет, на берег дальний,
не в замок снежный и хрустальный,
а в мир слепой и виртуальный
сквозь груды битого стекла,
где видятся во мгле глобальной
граффити из имён, которых
мы не встречали на пути
на разнотравных водосборах,
откуда нам пришлось уйти.

Гарь, заполняющая тьму,
сочится сквозь слои столетий;
горят ли рукописи эти,
пока неясно никому.
Оставив город и страну,
я том в бумагу оберну,
рукой застывшей и неловкой
сложу слова из ткани ковкой,
и пачку строк свяжу бечёвкой,
и текст из праха подниму.

7 октября 2022

Отдельной жизни род

Стихотворение есть форма бытия
особая, отдельной жизни род;
не мы их пишем, а наоборот,
как было сказано давно и точно;
не мы находим их: они как раз
лоцируют и выбирают нас.

Но их приманивает мысль моя
на слух, на вкус, упрямо, не нарочно,
из самых тех глубин или высот,
где без суда и времени течёт
последовательность существ бесплотных,
безукоризненных и беспилотных.

Им не даны ни дни, ни имена;
они сбиваются в немую стаю,
и я их узнаю и поднимаю
с поверхности земли, как семена;
брожу, прижав к груди их мятный сноп,
в пространстве прежних лет и новых троп.

И вот слова встают в свою строку
светло, незатруднительно и живо:
кому покажешь этокое диво?
Кого я этой строчкой увлеку
в мир, находящийся, возможно, здесь
отчасти — но уж точно, что не весь?

9 октября 2022

Последние

Мы последние, кто писал до войны,
неубитым ещё языком простым,
а теперь нам трудно общаться с ним,
отделяя его от его страны,
хоть она давно и чужая нам,
как и одичавший её народ;
но история сломана пополам,
и, похоже, кончилась в этот год —
так погиб ли с нею, как дождь в песок
уходя, сочась, как анчарный сок
с тех ветвей, с тех рабских и смертных лык,
двухсотлетней выдержки наш язык?

Я его сжимаю песком в горсти,
я на нём пишу, мне его нести,
но я знаю, что нынче на нём твердят
миллионы, детям вливая яд,
в школьных классах в течение сентября
говоря на нём или не говоря
о своей стране, о её войне —
был бы этот яд также и во мне,
если б лет восьми-девяти сейчас
был бы отдан я в этот адский класс,
в школу той страны, где рабы нужны,
что не чувствуют никакой вины;
там, где веры нет и надежды нет,
уходя, последние погасят свет.

10 октября 2022

Интеллигенция

Интеллигенция! Твой час пробил давно,
как говорится, всхлипом, а не взрывом;
мы наши хохмы видели в кино
и упивались умным нарративом,
танцуя на пороге вечной тьмы
и говоря: «Что можем сделать мы?»

Мы можем говорить, а многие из нас
умеют и писать. И где вы в этот час?
Где ваш Народный фронт и где интербригады?
Я здесь пристрастен и несправедлив,
но прекратите же извечный свой мотив
о том, что аду нет преграды!

Октябрь уж точно наступил; и даже боле
я вам скажу: ноябрь еще придёт,
за ним декабрь, и этот страшный год
окончится, и выжженное поле
покроет снег, как годовой отчёт.
Германия и Франция, где роли,

что вы играть способны без суфлёра-
ферштейера, чтоб избежать позора?
Весь мир уже давно — театр военный,
и вам не скрыться, не залезть под кресла,
мечом препояшите ваши чресла,
других ролей нет в списке у Вселенной.

А вы, кто пишет бегло и читает,
проверьте вашу книгу Бытия,
главу и стих, где кто-то там витает,
витаемо вас, бывшие друзья
от Белгорода до Владивостока:
был выбор ли у вас? Судьба жестока,

нет выбора в концлагере, но кто-то ж его построил, и охраны рота
питалась чем-то. Кто ж её поил,
кормил и в школе впаривал чего-то?
На ком теперь ответственность легла?
Гнилые корни погребает ил;
печаль моя темна и тяжела.

10 октября 2022

Найди слова

Найди необходимые слова:
свои, мои, чужие — всё равно;
они пока безмолвны, как трава,
что на исходе огненного лета
взяла от солнца всё, что дать могло оно
со скоростью божественного света.
Сложи их в текст, как сено в зимний стог,
чтобы твой слог служить потомкам смог,
через снега и льды дойдя к иным столетиям —
так мы весны дождёмся в двадцать третьем.

Но кто услышит нас? чьи выживут слова?
какими книгами наполнится глава
истории, творящейся сейчас
над нами — с нами — нами — после нас?

Какие россыпи и рубежи
войдут в склонения и падежи,
возникшие за время катастроф?
Там дым уже идёт не от костров,
где царствовала дивная гитара,
где ясный слог соединял нас в стаю,
рассыпавшуюся среди кошмара:
от тех огней нам нет дороги к свету.
Слова, что я из прошлых дней читаю,
забыты будут к будущему лету.

10 октября 2022

Течёт ли время

Течёт ли время — или вспять
оборотилось? или встать
решило? или, с дальних гор
спутившись, встретило отпор
равнин бескрайних — и застыло,
своей базальтовой лавой
ландшафт очерчивая ржавый?

Не двигается и светило,
в зените превратившись в точку,
и мир утратил оболочку,
а с нею — смыслы и слова;
остались рифмы-кружева,
вплетаемые в эту строчку.

На них ответственность легла
узор морозного стекла
сберечь для нас в пространстве сна,
когда закроется страница,
и время перестанет длиться,
и вечность будет не нужна.

11 октября 2022

Слоги

Во сне в сознание всплывают слогИ,
как гневные языческие боги,
заглядывая в разум через окна
и тормоза застывшие волокна,
и заполняя нужные итоги.

Их мельтешение — базар восточный,
где торговаться я не успеваю,
и их душевным криком вызываю
для сверки непосредственной и точной;
бегу, чтобы не опоздать к трамваю,
к автобусу из дачных мест, к парому,
от летнего горячего причала
идущего к исчезнувшему дому,
где память все лощинки отмечала,
к чернике и бруснике, и маслятам
с налившими иголками хвои,
туда, где каждый миг и каждый атом
естественно вошёл в слова мои,
стремящиеся выйти на бумагу.

Я вижу их особую отвагу:
они о нашем мире знают смутно,
и им в холодной речи неуютно;
они пытаются увидеть прок
и вспомнить роль до выхода на сцену;
я, как из тюбиков ультрамарин, сиену
и кадмий, на палитру этих строк
выдавливаю их цветные пятна —
и вижу, что их речь почти понятна:
в ней краской замутнённая вода
и запах высыхающей гуаши,
и кисти окунаемые наши
всплывают в памяти через года,
как будто рифмы мы восстановили
к моим стихам, давно забытым, или
и не существовавшим никогда.

12 октября 2022

Лёд и огонь

Огонь от слов займётся и пойдёт:
сам воздух стал теперь огнеопасен,
упала связь с тем сном, что был прекрасен,
с серебряным и золотым веками,
их плоть отпала сгнившими кусками.

Уже моя лопата не собьёт
нагромоздившийся у входа в храмы лёд
грядущих дней, где мокрая зола,
оставшаяся после века зла,
в себя вобрала смрад, и крик, и гной,
и всё, что вылезет из тьмы весной.

Рифм остаётся так немного у меня:
цена, храня и дня — но в строках нет опоры;
они сгорают, словно метеоры,
невидимые нам в подземный зной.
Что мы увидим по прошествии огня?

14 октября 2022

Аллопатрия

Памяти Эрнста Майра

Где бы я ни был, там я и пою:
в горах ли Азии, в родопских ли долинах,
на средне-ли-вековых-ли картинах —
я вижу аллопатрию мою,
«другую родину». А прежней-то и нет;
есть лишь её рассыпавшийся след,
шаманом вынутый для культа вуду:
там, где я был, я более не буду.

Аллопатрический, реликтовый язык,
не требующий жертв и пьедестала,
ты остаёшься чист, как аквавит;
я думаю, что очередь настала
тебе звучать для правнуков и внуков,
пока понятен этот алфавит,
пока я жив, пока я не отвык
от чудных комбинаций букв и звуков.

Они в тебе смыкаются счастливо,
как мириады храмовых свечей;
теперь ты мой язык, а не ничей:
встаёт луна, мы вместе ждем прилива
на островах, где возникают виды
и наступают мартовские иды
на побережья новой Атлантиды
для всех ферштейеров и палачей.

14 октября 2022

Песня

Я иду долиной Леты
к устью огненной реки;
я пою свои куплеты
про геномные триплеты,
про слова и языки.

Помню я, под звон гитары
мы хотели жить и петь,
только липкие кошмары
мерзкий век сплетали в сеть,
чтоб загнать овец в кошары.

Как в коллайдере адроны,
вьются вороны и дроны
над моею головой;
мы проходим бурной Летой
песней, до конца не спетой;
чёрный лебедь, я не твой.

15 октября 2022

Гласные

Смысл наших слов утратился давно:
я вижу груды строк, застывших и неясных,
спустившихся на выжженное дно,
где контуры полуистлевших гласных,
что вспыхивают, словно светлячки,
нам освещают буквы и значки.

На берегу покинутом и диком,
где гласные перемежают речь
то возгласом, то леденящим криком,
их рыхлый седимент не уберечь
нам от эрозии грядущих лет —
но через рукописи проникает свет.

Луч света падает на старую обложку;
вспоминание вскочило на подножку,
пройдясь стремительно по странам и векам,
где звуки гласные проснулись и уснули,
пересекая вечность по мосткам,
соединяющим июни и июли.

15 октября 2022

Пожар

Поэзия, учи пропущенный урок
истории: нам начинать по новой
придётся здесь; ни Гиппиус, ни Блок
не выступят сегодня в новостях;
какая уж там башня из слоновой,
какие уж там танцы на костях.

Я с детства помню этот тилибом
и двух котят там, под окном у тёти-кошки;
мы с ними, в бликах пламени, втроём
униженно выпрашивали крошки
цивилизации, обрушенной на нас;
Маршак там был, но он не многих спас,

хотя в Детгизе и служил главредом
для книжек, на которых мы росли,
корнями пробиваясь в слой земли,
удобренный и прадедом, и дедом;
и нас готовили за ними следом
лечь там костями, а мы бы и могли.

Пожар, чума на оба наши дома,
на все дома, на детские дома;
и эта рифма тоже нам знакома;
рифмуются: зима, чума, с ума
сойти, пустые закрома
и догорающие файлы военкома.

16 октября 2022

Дневник

Я должен в эти рифмы занести,
как в полевой дневник над цепью горной,
всё то, что вижу я, собрав в горсти
числитель, чёрточку и знаменатель,
оттуда продиктованные мне,
как если бы сторонний наблюдатель,
покинув тело, увидал извне
и записал в журнал лабораторный
всё то, что я из праха поднимаю.

Мы вместе видим слов и звуков стаю,
взлетевших в небо на защиту воли
сквозь океан безумия и боли,
за гранью понимания и сна,
где я фиксирую распад систем
в ошеломлённом мире, где луна
уже не контролирует приливы.

Я посвящаю эти строки тем,
кто их читает в Киеве под взрывы.

18 октября 2022

Нет слов

Нет слов. Твоё наследие ушло
в песок азовский. Царское Село
разгромлено. Фонтан в Крыму истёк.
Язык твой, то есть наш — анчарный сок
из конусов стеклянных и томатных,
как кровь из книжки о победах ратных
от Куликова поля до Полтавы.
Но вышел срок — и нет твоей державы.
Империя мертва. Жаль, что тогда
в Одессе ты не смог взойти на борт
с Амалией. Вела бы вас звезда
к её отчизне дальней ночью южной.
Здесь речь твоя становится ненужной:
потомок твой есть раб — нет, худший сорт
раба: готовый жадно умереть
за сгнившую двуглавую корону
и сто, и двести лет подряд, и впредь,
тирана вставивший себе в икону.

Мой календарь раскрыт в день твоего лица,
я дату нужную не пропустил,
но прерывается нестройный хор светил,
бледнеет текст, и ты — не панацея,
от опиума слов не впасть нам в забытьё,
и ты не наше всё, и мы не всё твоё.
Мы обнаружили другие берега,
но разум корчится в непредставимой боли.
Октябрь кончается, и чёрные снега
покроют выжженное поле.

19 октября 2022

В пещере

Памяти Льва Лосева

В платоновской пещере-котловане,
уютно примостившись на диване,
я лихорадочно читал, как все мы,
брошюры «Знание» и старые газеты,
разрозненные томы и поэмы,
да несгоревшие терцины и сонеты,

которые входили в слух, и глаз;
мы знали контуры всех стран земного шара,
где бился в сетку сна мой детский разум,
уже отравленный и выхлопом, и газом,
и смрадом речи, окружавшей нас
под незнакомый запах перегара.

22–23 октября 2022,

Фэйр Лоун, Нью-Джерси — Поезд № 51

Нам кажется

Под ритмы выдоха и вдоха
вслепую движется состав;
очередная новая эпоха
кончается, едва настав.

Под знаками и выхода и входа,
нам кажется, была свобода.

Её могли мы разглядеть в стекло
увеличительное, или же прибором
другим поймать, покуда не зашло
небесное светило, о котором
мы тоже помнили из давних лет:
оно бросало отражённый свет,
и луч его мог дырочку прожечь,
но сквозь неё уже не видно нашу речь.

Нам не поднять окаменевший взгляд,
свинцом залитый сотню лет назад.
Слова вращаются, как ржавый ворот;
колодезь высох, и от жажды гибнет город.
Ушла артезианская вода,
и улицы пусты, и чёрные пески
укрыли вымершие языки,
украли время навсегда.

29 октября 2022

Ноябрь

Есть подозрение, что в ноябре мы
увидим в наших снах галеры и триремы,
идущие на юг, с рабами у весла,
и мы поймём, что ткань некрепкою была,
которую история плела,
и наши книги и слова
теперь качаются, как жухлая листва,
у прошлогоднего причала.

И нам приснилось, что мы не рабы,
и снова мы стучались в дверь судьбы,
и снова нам она не отвечала,
и сообщения нельзя оставить ей.
Из-за её обшарпанных дверей
я слышу гул времен, и над базаром
плывут и запахи, и звуки.
И снилось мне, что кончилась война,
и пробовать товар давали даром,
и сыпали в протянутые руки
Египтом пахнущие семена,

31 октября 2022

Далее

Похоже, что наши потомки
о нас не узнают вообще,
цепляясь у бездны на кромке,
где солнце, как камень в праще,
вращается мощной рукою
неведомых ранее сил,
где время разлилось рекою,
и ад охладел и остыл.

Они не играют словами,
и мыслей давно уже нет.
Мы кажемся им божествами
и духами огненных лет,
которых слепили из глины
и в вечной печи обожгли,
чьи сны рисовали картины,
а мир уловить не смогли.

5 ноября 2022

Я не знал

Я не знал, что история опрокинется, как котёл,
и это после всего, что я в жизни прочёл,
после того, что мы все прочли и прошли
на горах и долинах этой своей Земли.
Не сказать, что память нас так уж и подвела,
подводить-то особенно никуда и не надо было:
в двухголовой тени нависающего орла
нам история каждое пёрышко сохранила,
блестящее, как драконова чешуя.
Вот канава, где вместе со всеми плавал и я,
наблюдая судороги своей державы
из удобной такой, из имперской зимней канавы,
где гремел мейерхольдовский «Маскарад»
и бледные губы кусал паяц в балаганчике Блока —
а потом был выжженный век, предсказанный у пророка,
где кое-кто выжил вслепую и наугад.

5 ноября 2022

Ремесло

Я изготавливаю строки
в неограниченные сроки
из всякой здешней ерунды:
огней, ветров, земли, воды;
как одиссеево весло,
моё понятно ремесло.

Здесь надо думать головой
под рокот многовековой;
нанизывать слова и звуки,
пока до них доходят руки
порою, ясной для меня,
кружа сухие листья дня.

И семена, и стебли трав,
причастных к жизни и пристрастных,
в подкладке лет моих застряв,
сквозь сочетания согласных
рождают цепь судеб прекрасных —
и гаснут, слово утеряв.

5 ноября 2022

Кому

Кому нужны стихи во времена войны?
Я думаю, и мне они не так нужны:
я их снимаю накипевшей пеной
ноябрьским утром с пригоревших снов,
что за ночь выпали из заспанной Вселенной;
они приобретают облик слов,
утрачивая запах или цвет —
другого способа здесь, кажется, и нет
запечатлеть то, что стучится через нас
и требует, и бьётся в стены лет:
исходный груз многостраничных фраз,
крутящихся галактикой в строке;
те дни, где мы спешили налегке
успеть дойти сквозь горы и долины,
нарисовать безумные картины
на вырванном из осени листке.

6 ноября 2022

Так нам жить

Пушкин мёртв. Но они говорят через нас:
мертвецы, создававшие наши слова,
через эту гортань, что ещё не мертва,
где спекается боль, вырывается крик,
недовырванный бьётся горящий язык,
и ушедшие в прах сочетания фраз
тянут в бездну любовью фантомной
над пучиной своей многотомной.

Мы не можем избавиться от языка,
над которым висит вековая тоска
черноморскою ядерной тучей,
где херсонский сатрап, властелин мёртвых душ,
повелитель подземных проливов и суш,
тратит воздух горячий и жгучий,
и не видно ни слова, ни фразы
сквозь текущие памятью газы.

Гоголь мёртв. Но не трогай его чертежей:
он успел доскакать до таких рубежей,
где начертаны были круги по воде,
где сгорали миры на сверхновой звезде,
где взрывчаткой набиты страницы,
где некрепкого разума сорван покров
и слова неживые текут из миров,
обступающих наши границы.

Отойди от обрушенных полок:
древний век оказался недолог,
алфавиты осели в трясины страны,
где и в лучшее время бывали видны
только кое-кому в интервале,
где и мы иногда проживали;
уведи меня прочь от мечтаний,
вглубь от слов и от их сочетаний.

Сквозь сгоревшие реки, бывлые леса,
сквозь взошедшие зубы дракона,
где по небу слепая прошла полоса,
где навек замолчала икона,
где тускнеет заря золотая,
мы не чувствуем с миром утраченным связь:
так нам жить предстоит, ничего не боясь
и тома мёртвых душ не листая.

6 ноября 2022

Как исчез мир

Как он исчез, не помню: дня
как не было. Потом меня
уже подробнее об этом
расспрашивали, тусклым светом
подобье рубки осветив,
где лился из тарелки черной
давно утраченный мотив,
бравурно-пакостный и вздорный.
Вопросы были о пещере,
где мы росли; о нашей вере;
о том, зачем мы жили здесь,
где всё пошло и вкось и вкриво,
где не была стабильной взвесь
миров, оставшихся от взрыва;
зачем мы жили в царстве лжи,
зачем кинжалы и ножи,
сверкая искрами, точили,
а правил жизни не учили.
Между анода и катода
текла ушедшая природа
на гальваническом столе
по наклонившейся земле.
И я узнал, что с той поры
сменились правила игры,
что в нас уже играть устали;
что мир наш, в общем, не был сном,
хотя еще отчасти в нём
имелись элементы сна;
но чтобы вспомнить все детали
и осознать свою утрату,
нам вечность новая нужна —
а времени как раз и нет:
здесь завтра отключают свет,
как говорят, за неуплату.

6 ноября 2022

Мы рисуем

Мы тут рисуем разные миры,
где неизвестны правила игры,
вытаскиваем их, впускаем их
свободно всплыть в сознание и в стих.

Мы ёлочными шариками слов
нанизываем радужный улов
из тех ручьёв, из ледниковых вод,
где начинается небесный свод.

Мы напрягаем зрение вниз,
чтобы увидеть, как свою слезу
уронит небо на подлунный лёд,
и трещина по бытию пройдёт.

И с наших мыслей слезет скорлупа,
и мы увидим, что идёт тропа
вдоль по хребту, теряясь временами,
пересекая вечные снега,
соединяя наши берега
с мирами, нарисованными нами.

6 ноября 2022

Вверх по течению

Владимиру Куриленко

На дне ручья, куда ступаю
я каждый раз, когда лечу
по далеко ушедшим странам,
сквозь те места, где засыпаю
и вспомнить истину хочу —
на дне и скользком и песчаном
лежат застывшие во сне
слова, невидимые мне.

Мой шаг взмутил придонный ил;
я помню: я здесь раньше был,
от перехода к переходу
ступал усердно по камням,
порой соскальзывая в воду,
ещё неведомую нам;
мы вверх стремились по ущелью,
и это было нашей целью:

дойти туда до темноты;
путь для пути; из пустоты
тропу выискивать по склонам,
как птицам, скачущим по кронам.
И только выше, на привале,
мы в сумерках, свои листки
разгладив, схемы рисовали
и называли их «кроки».

А слов мы не употребляли;
считали мы: зачем свобода
под ветром солнц, под зноем дали?
Так связь времён и истин сна
уже тогда мы потеряли.
Они лежат под илом дна
всё в той же точке перехода:
я точно помню, где она.

7 ноября 2022

Бегом и шагом

Мир обманулся общим благом:
он плёлся не бегом, а шагом,
без штурмана и без руля,
довольствуясь наивной верой
под звон мозгов, заплывших серой,
исторгнутой из стен кремля.

Уже не знаешь, где земля
разверзнется под сапогом
захватчика, где сны горят,
где кадры крутятся подряд
уже не шагом, а бегом,
где к аду обернулся ад.

И мир опять привык к экранам,
где взрывы топят корабли,
где догорает Геркуланум,
и пеплом выпадает иней,
и от удушья гибнет Плиний,
и с ним история Земли.

7 ноября 2022

Буря

Уже мы не наследники былого:
проехали эдемский детский сад,
где восковые ангелы висят
на ветках древа доброго и злого,
где нас учили следовать словам —
но ураган прошел по островам
и вырвал корень логоса гнилого,
где нас держали, разрешая даром
жить, взгляд зажмутив, словно стая птиц,
мигрирующих из своих столиц
на дачи летние, летая под радаром.
Но огненная буря нас нашла,
и вспыхнули картонные крыла,
и мир завис в сгоревшей пустоте,
обуглился и стал таким, как есть.
Я пробую проснуться и прочесть,
что я писал, не зажигая свечи,
в слепой ночи на скомканном листе,
ещё не потеряв дар речи.

7 ноября 2022

Прощание с истиной

Я вижу записи, где смысла нет,
где строки разлетаются в бреду,
храня слова, но я забыл, что между
слов было, что имели мы в виду,
когда держали этот смысл в уме,
не ведая, что ум наш жил во тьме
и исключал и веру, и надежду.

Я помню фраз разрозненных клочки:
там годы и слова, как светлячки,
мерцали нам в прошедшие века;
но истина дошла до поворота
и оглянулась; и издалека
мне кажется: она нам хочет что-то
сказать, и улыбается слегка.

Я думаю, она покинет нас,
уйдя к другой недостижимой цели;
мы даже попрощаться не успели;
звенит звонок: пора вернуться в класс.
Я выучил урок на этот раз,
но почему-то губы онемели,
и не могу открыть уставших глаз.

8 ноября 2022

Фантомные слова

Фантомные слова из детских лет —
фрагменты зеркала кривого,
давно не отражающего свет,
но сохраняющего слово
среди волокон тканей инфантильных,
в мозаике фасеточного глаза
у мёртвых бабочек, сухих и пыльных,
на подоконнике. Другого раза
не состоится: шанс был дан однажды;
и ткань во рту суха от вечной жажды.
Здесь нёба раскалённого язык
не тронет; звуки гулкие мертвы,
как пчёлы в улье, где из умных книг
мёд истин так и не был извлечён.

Но я на раны налагаю швы,
и думаю, что взгляд не обречён
на повторение фантомных фраз
о том, как книги создавали нас,
откуда вышли и куда пришли;
давно пора определиться с этим:
дань платим тьме — или во тьме мы светим,
в кострах надежд сгорая, как угли.
Мне этот выбор почему-то прост:
на карте мира много мёртвых звёзд,
чей свет питал и путал наши дни,
но ныне живы мы, а не они;
преемственность не есть закрытый круг,
как снег зимою или зной полдневный —
иначе мы у прошлого в плену,
и нескончаем вой кровавых вьюг,
и мерзкий ад, рождающий войну,
не удалим из полости душевной.

9 ноября 2022

Кто знает

Кто знает, через сколько лет,
не дав прошедшему уснуть,
в обратный путь отправив свет,
потомки вздумают взглянуть
на наши нынешние дни,
и если захотят они
понять, как время здесь течёт,
то я для них пишу отчёт.
Зачем в стихах? А дело в том,
что разум тянет к рифме руки,
усердно выбирая звуки
в пространстве вечном и пустом,
и здесь не часто, но порою
я увлечён такой игрою,
и начинаю слышать звон
иных событий и времён,
наверный отклик тех земель,
где нынешняя параллель
пересекла меридианы
далёких лет; я вижу страны,
раскинутые в небесах,
игру теней на полюсах,
существ немислимых касанье
и книг распахнутых умы:

на их страницах живы мы,
и это наше предписание,
и смысл сегодняшнего дня
идёт от вас и от меня
пунктирным, еле видным следом;
нас пробуют перевести
на свой язык, что нам неведом,
на днях зарубки нанести,
и этот мир успеть спасти,
не дав случиться новым бедам.

9 ноября 2022

Здесь

Я по краешку, по краю
все детали подбираю,
в чертежи вещей гляжу
и ошибки нахожу.

Давит груз воспоминаний,
старых слов и новых знаний,
здесь дымы черны и едки,
здесь и жили наши предки.

Из-под тающего льда
показались города,
мир собрался в эту взвесь
почему-то прямо здесь.

10 ноября 2022

КОВЫЛЬ

Херсон все истины разложит
и праздный мир в геенну ткнёт,
и дух подымет и умножит,
и зло удержит и замкнёт.
Там, где не отдан край степей
стране рабов, стране цепей,
болотной сфере, с адом смежной;
там, за днепровскою водой,
что в небесах отражена,
где ветер дней ковыль безбрежный,
как перья ангелов, седой,
волнует по степи мятежной —
там движется во тьме война,
уже взрывая переправы
и изрыгая клубы пара,
там роют призраки канавы
уже на уровне Чонгара,
где ждёт захватчиков земля
там, под корнями ковыля.

10 ноября 2022

Зима

Последняя и первая зима
войны, где может, более и нет
ни осени с весной, ни зим, ни лет,
а только выплывшая вверх сама
история. Сними её тома
с забытых полок, где давно никем
не стал никто; где смрадная держава
стремительно ушла в водоворот,
где пенится первичный водород.

Там наши знания непредставимы,
там с босховских ветвей свисают крымы,
и демоны, чьё время подошло,
ныряют в зимний Понт и будят криком
мир дна, что вспучился, во сне великом
перевернувшись, а заснёт ли снова —
неведомо. Разбуженное зло
нам видимо сквозь мутное стекло
подводное, где меркнут мысль и слово.

И как писать, когда мои слова
намёрзли льдиной на двойном окне
тех дней сибирских, детских, где сперва
я и не знал их потаённой сути?
Там шестьдесят секунд в моей минуте
казались вечностью, и книги были мне
дороже будущего; думать я не мог,
что выученный драгоценный слог
сойдёт как снег, растает по весне.

Мы отрубам щупальца корней,
удерживающих в земле сыпучей
чащобу дней, нависшую над кручей,
где змеями ползёт из-под камней
российский мир, истекший ядом злобы,
как льдистые и грязные сугробы
новосибирские, где детская нога
привычно увязала — но снега
суть лишь зима, и мы готовы к ней.

17 ноября 2022

Время

Я подумал сегодня, что Время есть Бог,
потому что для выбора наших дорог
нам приходится жизнь и свободу
подчинять календарному году.

Мы не знаем, что будет в конце декабря,
мы не видим дневного итога,
но возможно, что Время проходит не зря
через нашу среду, словно луч фонаря,
словно взгляд в направлении Бога.

Мы забыли о том, что мы здесь не одни,
что и звёздам, и травам мы тоже сродни,
что они и находятся рядом,
и глядят умоляющим взглядом
на существ, для которых возможность дана,
несомненно способных средь вечного сна
облекающей разум природы
плыть в потоке времён не по тёмным волнам,
а по воле, на время отпущенной нам
драгоценною горсткой свободы.

Мы вчера и сегодня живем для неё:
мы вступили и встали во время своё,
и не думая даже о Боге,
эти дни отпечатали в слоге
немудрёных своих переводов
с языков истреблённых народов,
где-то между омегой и азом,
где подстрочник в уме непрерывно течёт,
как военная сводка, как гневный отчёт,
огибая немеющий разум.

20 ноября 2022

Глоссолалия

Набери изумруды с бериллами фраз
из сокровищницы, что открыта для нас
по забытому давнему праву;
то, что мы ограним и для всех сохраним,
в драгоценную вставив оправу:
лалы слов и сапфиры, и данные к ним
многомудрые дивные глоссы,
отвечающие на вопросы.
Сколько рухнуло здесь полнотумных эпох,
сколько сцен переменит театр:
император почил, узурпатор издох,
но работает наш генератор.
Он фурычит ещё на дистанции лет,
даже если сегодня и выключат свет,
разлагает надёжная призма моя
на фонемы судьбы третий стих Бытия,
где пора примечаний настала;
гиперссылки упали, и дивная Сеть
перестала показывать, думать и петь
сквозь лучистые грани кристалла.
Но свои палантиры из старой зимы
достаём из хранилища бережно мы,
и рождённые Летой былые лучи
рассекают события в смертной ночи.
Светлой жидкостью дней генератор залей,
что спрессована в древних слоях,
наше слово становится чётче и злей,
среди выжженных дней и сгоревших полей
побывавшее в снах и боях.
Жизнь сплавляется здесь из событий и слёз,
здесь идет нескончаемый метаморфоз,
наша рукопись вечно открыта,
и на красных камнях криворожской руды
остаются в железной эпохе следы
друзой кварца в слоях гематита.

20 ноября 2022

Между

Между человечеством и орками
существует видимая разница;
Украина формирует органы
нашего искрящегося разума.

И пока её святые воины
держат мир событий на плаву,
время, несмотря на все пробоины,
продолжает длиться наяву.

Перегревшийся за два тысячелетия,
мир вступил в неведомое третье,
и своей беспроводной сетью
ангелов невидимых полки
уловил в огромные силки.

А ещё он варит птичий клей,
чтобы липли к ленточкам не мухи,
а везде витающие духи —
те, кто вне молекул и полей

Напрягая разума пределы,
где слова, белы и неумелы,
только-только вылезли на свет,
эти строки на волне печали
пусть читают так, как мы читали,
те, кто уцелеет в бездне лет.

20 ноября 2022

Мы уходили

Мы уходили в йогу или в горы,
мы пели Городницкого и Кима,
наш скорбный век покорно плелся мимо,
и в кружево сплетались разговоры
сидящих у потухшего костра,
приговорённых не к делам, а к звукам.
Специалисты по большим наукам
нам буквы диктовали до утра,
но мы не изучали алфавита,
и жизнь была суха и ядовита.
Куда бы нас ни увела кривая
тропа между колючек и камней,
на скользкой палубе дремотных дней,
под вскрытые консервы наливая
в бумажные стаканчики коньяк,
мы знали: жизнь промчится кое-как.
Как мы хотели одобренья зала!
Действительность была сера и ржава.
Нам пел тогда, как ангел, Окуджава,
но тень уже на солнце напознала.

21 ноября 2022

Я знаю

Я знаю, что я повторяюсь, но мозг
всё время в слова уловляет лучи,
что тают во тьме, как оплывшей свечи
к утру застывающий воск.
Зачем же сквозь годы всплывают слова
и рифмы всё той же строкой?
Затем, чтобы видеть, что ткань не мертва,
что воля важнее, чем покой.
Наш мир создаётся на наших глазах
осколками тьмы и огня,
и плавится время в наставших стихах,
прибывших на станцию дня.
И я у перрона судьбы торможу,
и я за скольжением строчек слежу
у самого нужного края,
не думая, не выбирая.
И я повторяю всё тот же мотив,
когда-то ещё в первый раз ухватив
его очевидные ноты
сквозь окна привычной дремоты.
Пока ещё мне не прикрыли окно;
такими подарками время полно:
мы все получаем оттуда
сигнал наподобие чуда
из будущего и былого,
и он остаётся в движеньи руки,
которая быстро хватает листки
и чертит пришедшее слово.

22 ноября 2022

Снова

Я снова иду через те тростники,
исследуя плёсы знакомой реки,
где зыбкая топь под ногами
покроется скоро снегами.
Здесь слово подёрнется льдом к декабрю,
и всё, что я думаю и говорю,
сличая различные числа
и даты, лишается смысла.

Я помню промышленные города
и снег, пропадавший весною,
там в утренней тьме ледяная звезда
прилежно следила за мною;
тогда начинались последние дни,
и в бездне времён отражались они,
и отблеск засохший старинных чернил
мне золото древних слоёв сохранил.

Я бережно каждый очищенный слой
от прежних слоёв отделяю иглой,
пускай он на радужной плоскости дня
оставит картины свои для меня
из вихрей, из звёздного дыма,
пока мы способны усвоить сюжет,
пока через воды растёкшихся лет
реальность моя различима.

Но дым застилает и память, и взор,
на грани безумия гаснет костёр,
и сполохи взрывов российских ракет
на улицах детских исчезнувших лет
теперь и всегда догоняют меня,
и нету реальности, кроме огня,
где, замкнута крепко в плену языка,
не вырвавшись, в клетке сгорает строка.

23 ноября 2022

Поток

Стихи продолжаютсЯ день ото дня,
как будто болезнь, поражая меня
в рецепторы разума, в клетки души,
которые тянутся к свету,
иного здесь выбора нету.

Как скажешь потоку: «Постой, не спеши,
дай мне разобрать под волною
слова, что созвучны со мною»?
Нет, этот поток своеволен и прям,
слова изготовлены к бою,
и артезианской струёю
он брызжет по мшистым камням.

Не знаю, откуда берётся вода
в чудесном колодце, но он навсегда
небесною силой в мой разум пробит;
в глазах от обилия звуков рябит,
от их своенравного строя,
и море о берег дробит алфавит,
и адской волною смывается Крит,
и в пламени корчится Троя.

Ни этих племён на поверхности нет,
ни царств эфемерных, ни карты побед,
и только встают из эгейской волны
немыслимо долгие песни войны.

23 ноября 2022

Стихи

Теперь я думаю стихами. Мне
пока это нетрудно. В глубине
или на высоте я замечаю
их быстро исчезающую стаю,
и я на свет походного огня
приманиваю эту вереницу;
они летят и чувствуют меня,
они садятся на мою страницу,
ползут среди распахнутых листков,
очерчивая контуры веков.
Их диалект далёкий знаю я
не в совершенстве, но перевести
его не составляет мне труда:
ведь наши звуки сложные едины.
Мы связаны, надеюсь, навсегда,
И может быть, я их смогу спасти,
когда лавина грязи и вранья
заполнит и долины, и равнины,
и серой пахнувшие города,
и наше время превратится в прах.
Кто позаботится о звуках и словах —
неведомо; но не исключено,
что есть ещё у вечности окно,
заранее пробитое сквозь лёд,
куда они направят свой полёт,
и там я буду ждать — на тропке той,
идушей по обрывистому краю,
где я слова и звуки подбираю
на слух, на взгляд, над бездною пустой.

23 ноября 2022

Пора

Язык есть жертва языка:
сама история внутри
него сминается, пока
льдом покрывается река
некрепкой памяти. Смотри,
как быстро он уходит вспять,
и как нельзя уже читать
и говорить слова чужие,
при нас распавшиеся в прах;
так было в Риме, в Византии,
наверно, и везде так было,
что заключённая в словах
самоубийственная сила
и поднимала, и вела
на все возможные дела,
и создавала адский миф,
себя же в жертву приносила,
свой ум безумием затмив
в руинах дней, в огне войны,
ценой бессмысленной, кровавой.

Героям слава! Этой славой
наполнены, напоены
недели, месяцы страданий;
не ожидая покаяний
слова утративших врагов,
здесь, у эвксинских берегов,
я заклинаю всех созданий
воображения и сна,
забывших в нашем алфавите
добавить сотни букв добра:
довольно рассуждать: пора!
вмешайтесь и остановите!
Да будет проклята война.

24 ноября 2022

Глух и слеп

Я не знаю: мир глух или слеп?
Как он может внимать и смотреть
через липкую, лживую сеть,
где не слышно судьбы и не видно?
Пусть же станет нарезанный хлеб
камнем в горле у тех, кто зимы
не заметил, в чьём доме не стыдно
развлекаться и петь в эти дни.

Пусть чумою проникнут они,
эти оscarы и аватары,
в коллективные ваши кошмары,
те, которые хуже чумы,
в те объедки кровавого пира
на развалинах скверного мира,
где открылся всемирный виварий
под написанный Босхом сценарий
и полезли пещерные предки
из проржавленной отпертой клетки.

Здесь не видят и не говорят,
здесь ещё сохраняется яд
в кубках Гамлета и Вальсингама,
но уже не играется драма,
диалоги не пишутся к ней,
и моё опоздавшее слово
среди мира глухого, слепого
задыхается в оползне дней.

Наблюдения эти бесценны
для работников будущей сцены,
если мир станет зряч и умней.

24 ноября 2022

Те, кто может

Те, кто может ещё ощутить
Ариаднину тонкую нить,
дайте в руку Тезею клубок
той любви и безудержной веры,
где надежда почти умерла
где горит олимпийская мгла
в смрадном пламени ртути и серы,
где из туч вырывается клочок
древней шерсти, где перья орла
превращаются в дротики ада,
где слова замерзают в ночи
и поэзии больше не надо,
но она истекает из нас
в лабиринте под огненным Критом
каждый день, каждый прожитый час,
и в режиме, навечно открытом.

24 ноября 2022

Генический район, 1967

Я подбираю русские слова,
питавшая их кровь ещё жива,
но что-то в ней умолкло навсегда:
они текут, как мёртвая вода,
сквозь мириады сросшихся кусков,
кровит незаживающая рана
той детской памяти, где на краю песков,
ещё не думая, ещё лениво
я наблюдал слияние лимана
и волн морских, и я не знал, что мне
их вспомнить суждено, что в глубине
сознания они хранились живо
в Геническом районе Бытия-
Генезиса, где кодом тайных знаков
в моих руках тогда возник Булгаков —
и сразу заземлилась мысль моя,
уйдя, как дождь в песок, в тот самый том,
сквозь строки «Театрального романа»,
сквозь золотой мольеровский фантом.

24 ноября 2022

Я здесь

Я здесь вытаскиваю блоки
слов и существ, вставляя в строки
всё то, что смотрит через прутья
решётки прямо на меня,
и взгляд не в силах отвернуть я
ни в тьме ночной, ни в свете дня
от их немеркнувшего взора;
дать им язык — моя опора,
мой долг тяжёлый, мой звонок,
зовущий с вечной перемены
на тот скалистый островок,
где тают сущности и гены,
где к свету не добраться вплавь,
где, сеть забросив в нашу явь,
мир фокусируется весь;
найди меня: я буду здесь.

24 ноября 2022

В старой манере

Игорю Манделю

Мастера своего предмета,
мы работаем в старой манере,
мы живем в кайнозойской эре,
где готовятся ледники
нас укрыть от тепла и света,
если выживем мы сейчас,
когда дьявольские полки
наступают давно на нас:
и с востока идут, и с юга,
не дойдя до Южного Буга:
назывался он раньше Богом —
это может сказать о многом,
если даже такое слово,
спотыкаясь, меняет лики
у геолога Ласкарёва
(посмотрите подробней в Вики).
Мы работаем в прежнем стиле,
выделяем свои детали,
нас, возможно, и позабыли,
или ранее не листали.

Но кладя мазок за мазком,
за строкой выводя строку,
старым беличьим волоском
мы прописываем Луку,
Марка, Павла, Сковороду,
Заболоцкого, Гумилёва,
несмотря на кровь и беду,
мы выводим контуры снова,
сохраняя людей и лица,
словно свет из эпохи той,
что ушла. На кого молиться?
Выбирайте, кто ваш святой.

24 ноября 2022

Я не помню

Я не помню ни слова того, что пишу,
словно уголь грузу или воду ношу,
зачерпнув её там, где во тьме тростники
обозначили контуры этой строки;
и пока мы в ночи не находим дверей,
я открою секрет: слово мысли быстрее
и быстрее отражённого света,
и оно нескончаемо, и потому
мы сигнал отправляем в бездонную тьму,
оставляя его без ответа.
Нам под звёздами мира не видно ни зги,
наша память хромает на обе ноги,
еле-еле узнать успевая,
где вода протекает живая,
из какого колодца ее зачерпнуть,
пробегая другими неузнанный путь
и слова каждый раз забывая.

24 ноября 2022

Я должен

Я должен написать безумно много,
чтоб выпросить прощение у Бога
в оставшиеся дни двадцать второго
за то, что ранее писать не мог:
моё парализованное слово
не шевелилось, и привычный слог
мне становился нестерпимо скучен,
пропитан душным сном перед грозой,
ведь каждый поворот в нём был изучен
и сжат, как ствол виющейся лозой
во тьме лесной, где были учтены
кустарники, подлесок и подрост,
составлен каталог падучих звёзд
и мерно возникающих планет —
но в них пророческого дара нет:
как и мы все, мой слог не ждал войны,
не знал, не жаждал звёздного огня:
и время не готовило меня
к тому, что вдруг окажутся нужны,
отысканы тем лучше, чем скорей,
истрёпанные карты прошлых лет
и образы из детской глубины
Азовского и Чёрного морей
на берегах, где воссияли свет
и мужество несломленной страны.

24 ноября 2022

Как узнать

Как узнать, где закончится эта зима?
Звёздный прах не содержит ни сна, ни ума,
но, смыкаясь, чудесные ткани
нас сплетают в узлы и зовут за собой,
потому что всегда продолжается бой
с силой зла, выходящей за грани
нашей совести, наших очерченных дней,
где сомнение быстро ушло;
эта битва сегодня намного видней:
мир увидел ползучее зло,
вверх текущее из терриконов,
где отвалы пустых ядовитых пород
отторгают естественный круговорот
самонравных веществ и законов,
где работать торжественный ум перестал,
где растрескался напрочь старинный кристалл,
демонстрировавший достижения дня
в павильоне, куда приводили меня
на экскурсию вместе со школой;
разум нынче — засохший и голый,

словно выжженный лес, словно поле зимой,
он по-прежнему здесь, он по-прежнему мой,
но его механизм скособочен,
и вслепую внутри ковыряясь ключом,
я пытаюсь его утянуть тягачом
на одну из замёрзших обочин.

25 ноября 2022

Права

Мы наследуем Окуджаве
и Высоцкому: их слова
нам дают такие права,
что не действовать мы не вправе.

Но их время давно ушло:
в новом кадре иной Земли,
в середине иной зимы
мы стоим на другой волне,

мы теперь внутри и вовне
этих слов, на которых мы
все воспитывались и росли
среди кажущейся страны.

Несмотря на золотые сны,
этот мир не готов к зиме
и слова уже не видны,
и глушилки свистят в уме.

Недостаточна наша роль,
не заряжен навеки дух,
чтобы кровь описать и боль,
чтобы свет души не потух.

Но мы помним наощупь их,
все слова из минувших дней,
обращается память в стих,
не избавиться нам от ней.

И единственный выход здесь—
записать на этом листе
то, что слышится в пустоте,
где пока ещё эхо есть.

25 ноября 2022

Конец ноября

Уже недостаточно слов в словаре,
хотя ещё время течёт в ноябре,
по руслу оно протекает с трудом,
забито песком и подёрнуто льдом,
завалено кучей щебёнки,

мой русский язык словно гравий дробя,
за грохотом разум не слышит себя,
вращая свои шестерёнки,
замёрзшие было в начале зимы,
покрытые кровью и прахом
и ненавистью, но не страхом.

Мы видим движение демонов тьмы
в потоке сигналов живых, цифровых,
где дротики Божьи преследуют их.

Врагов поглощает земная кора,
откуда они и явились сюда;
от них не останется в пойме Днепра
ни вдоха, ни сна, ни следа.

25 ноября 2022

Ответ

Слов поток, что из Млечного брызжет пути,
я приветствую ежеминутно,
мы легко это звёздное пьём молоко,
хотя нам ещё так до него далеко,
я надеюсь, что в нём есть порядок,
но мы просто его не сумели найти.

Наше время прогоркло и мутно;
я на свет изучаю осадок:
очевидно, реакция не удалась,
и наука сегодня не празднует власть
над прорвавшимся огненным адом,
существующим ныне и рядом,
как открытая рваная рана.

А ведь всех нас при жизни ещё призовут
на небесный, уже не отложенный суд,
где застывшая кровь не струится из жил,
там, где спросят: как жил, как ты даже не жил,
а питался потоком с экрана,
словно червь, обитающий где-то внутри,
за пределами мира живого,
в отмирающих тканях сверлящий приют;
он не видит, когда я взываю: смотри,
погляди на небесное слово!

Их не знает никто; в школе их не дают;
их использовать вовсе не надо;
и без них можно выжить удачно,
говоря, что не всё однозначно —
или просто не слыша и не говоря
под закуску свою под портретом царя,
двухголового демона ада.

25 ноября 2022

Демииург

Памяти Константина Бальмонта

Я вставлю мир в строку, в слова оправлю мир,
как тёмный аметист, как грозовой сапфир,
я предскажу в стихе и словом отведу
грядущую беду сквозь мутную слюду.

Не замолкай, не молкни, не молчи!
Не будь безмолвной сущностью покорной!
Пусть бархат слов и квантовый и чёрный
вберёт в себя смертельные лучи,

доставшиеся в вечное наследство.
Мой камень может разложить твой свет
на спектр безумных и кровавых лет,
и мир вернуть, не возвращаясь в детство.

25 ноября 2022

Поверхность

Движения слова сегодня просты:
грунтуя холсты и линую листы,
немыслимо остановиться
в краю, где открыта страница
и давней бедою расплылись на ней
чернила из несуществующих дней.

Там тает ледник, чем южнее, тем скорей,
меняются контуры древних морей,
и берег, открыв свою душу,
выходит на новые сушу,
там в зеркале сын не узнаёт отца,
и нет поколениям диким конца,
баллада, как колокол, бьёт и звенит,
и выстрелы вечно уходят в зенит,

где небо застыло над зимней страной,
где горе встаёт черноморской волной —
и в прошлое отодвигает она
Волошина, Бунина и Куприна,
и даже любимого Грина;
и речь не о том, чтоб отречься от них:
но ныне ушедшие тянут живых
в музейные залы, в сиянье волны,
где залпы сегодняшних дней не слышны,
где текст — это наш лауданум,
наш морфий, к которому тянемся мы,
но ныне в бою, посередине зимы,
в словах расслабляться нельзя нам:
они есть оружие боя;
пройдя все пороги на древней реке,
мы песню найдём на азовском песке,
на мокрой полоске прибоя.

25 ноября 2022

Зимнее время

Мне показалось, что часы
ушли немислимо назад,
что продолжающийся ад,
развернутый передо мной
по обе стороны степной
знакомой лесополосы,
не начинался и исчез:
так снег, свалившийся с небес,
растает; так уйдёт ледник,
вобрав в себя и кровь и крик,
и все былые разговоры,
не извиняющие нас,
когда мы уходили в горы
и совесть клали про запас
в чулан, в подвал, на антресоли;
десятилетия прошлой боли,
как фильм Тарковского, видны
в архиве, как былые сны.
Мир оказался не готов
к тому, что варварская сила
в одно мгновение скосила
вершины гор, слова цветов,
сиянье птиц, планет вращенье,
пределы страха и стыда,
поэзию и города,
где нашу память навсегда
заполняют злость и отвращенье,
и снег не сохранит следа.

26 ноября 2022

Не поспевает

Не поспевает память за словом,
звук оседает на грунте готовом,
рифмы струятся дивной игрой,
выученной, покорной повторам,
детскому слогу, оглоблям и шорам,
торя дорогу передо мной.

Ныне Державин, и Ломоносов,
и остальные под тьмою наносов
геологических, душных, как сны,
гаснут, как пышно оплывшие свечи
в строках еще не проснувшейся речи
в залах музеев сгоревшей страны

Мой Боратынский! от этого слога
некуда деться: воли немного
в вечной волне на знакомом пути;
в страшных биениях этого круга
мы еще видим и слышим друг друга,
камушки слов зажимая в горсти.

Голос твой громок, как боя раскаты;
в Понте, где вражеские пироскафы
мечут огонь на мои города.
я, твой потомок, их слышу всечасно,
Время над вещей строкою не властно,
но багровеет живая вода.

26 ноября 2022

Нам надо

Нам надо поменять всю сущность слов,
всю подноготную слепого бытия,
весь ветхий свиток мира моего;
я думаю теперь, что речь моя
есть тёмная материя основ
и разума, и веры, и того,
о чём сама сказать ещё не может,
чей высох лист, чей корень червь изложет,
Пока спасения и воли нет,
а только труд на много тысяч лет,
чтобы забвение не поглотило дней;
я рад присутствовать и быть знакомым с ней,
с той силою невидимой и плотной,
идущей в мир помимо нашей власти
и действия: её понять отчасти
возможно через щель судьбы дремотной,
почти предсмертной, предрассветной лени,
не всем ещё являющейся в час,
когда сверкают образы и тени
реальности и вымысла, для нас
пока неразделимых: вот в чём суть;
нам надо отступить и заглянуть
за наш экран, за завесь мглы тревожной,
откуда к нам сочатся все итоги;
нам надо видеть направление дороги,
и помнить каждый знак дорожный,
и не забыть, куда свернуть.

26 ноября 2022.

Баллада о трёх апельсинах

Что было в двух первых? Кто были они,
те, что умирали от жажды
уже не однажды, а дважды,
и феям, и джиннам сродни?
Но нету их тел на песке золотом:
возможно, что каждая — только фантом,
и принц не виновен, и кровью в висках
мой путь продолжается в жёлтых песках.

В дремучих поверхностях детского сна
нам часто вторая возможность дана,
и кажется через столетья:
порою бывает и третья
попытка, ещё один шанс на успех;
бывает нечасто; дают не для всех;
с двух первых попыток нельзя одолеть
тот мир, что продлён на ещё одну треть.

Я детскую книгу листаю свою,
где я на востоке пустыни стою,
я помню слияние горных долин,
источник желанной воды,
где к западу тянутся наши следы,
где принц раскрывал золотой апельсин
и фею-принцессу-невесту извлёк,
и падали корки на жаркий песок.

И небо Италии смотрит на них,
и Гоцци смеётся довольно,
но память моя не вмещается в стих
и строкам становится больно:
я думать хочу про другое;
слова перегружены хаосом дня,
но корки в песке не оставят меня:
кто были те первые двое?
Никто их не помнит, никак и нигде,
и только моление их о воде
сквозь солнечной сказки цветное стекло
для нас сохранилось и в книгу вошло.

Там действуют трое прелестниц, но две
остались в уме, у меня в голове,
они не записаны в книгу судьбы,
их взгляды мутны и их руки слабы,
тела их уходят сквозь твёрдый песок,
в их жилах течёт апельсиновый сок.
И принц очарован смертельной игрой:
он первый открыл и откроет второй,
и цикл повторится сигналом беды,
и девы умрут без волшебной воды.

И наш караван продолжает идти
к далёким восточным горам,
но высохли фляги, пусты бурдюки,
на самых последних фарсангах пути
фантомы мерещатся нам,
и жадными взглядами проводники
глядят на последний мешок,
где огненный шар сохранив до конца,
принц следует мудрым советам отца.

И я вспомнаю блаженный поток
и запах очищенных корок,
из них, как Венера из света,
взойдя из раскрывшихся створок,
является миру Нинетта.
Но третья она или только одна?
Две первых, возможно — лишь призраки сна,
капризные детские джинны:
реальны ли их апельсины?

Ведь в каждом сюжете, вовне и внутри,
всегда есть три шанса, всегда только три:
зовет родниковая влага
героя проделать три шага,
и только на третий даётся им власть;
два первых должны отлететь и отпасть.
Так вышло и с Гоцци: смотрите, ведь он
для первой-второй не имеет имён,
ведь им предназначено пасть и уйти,
еще не достигнув себя во плоти,
и только на третий устойчивый раз
их образ остался и встал среди нас.

Так значит, на принце и нету вины,
и среди явлений волшебной страны
в походе сквозь марево огненных мест
три раза держал он и выдержал тест.
Кто знает? Но хочется думать и мне,
что принц отличал и внутри и вовне
реальность свою от кошмарного сна,
с той точностью дивной, что нам не дана.

Я думаю, здесь разногласия нет,
что в спектре событий Нинетта
в себе воплощает оранжевый свет
за линией красного цвета,
и с принцем уходит в горящий восход,
туда, где река к океану течёт.

Я знаю: я выжил в пустыне потом,
преследуя призрак свободы,
утраченной в детские годы;
я видел двойной необычный фантом,
тот призрак надежды и веры;
забавный каприз атмосферы.
Их третья сестра на рассвете ушла
сквозь призму судьбы, через грани стекла
в тома иллюстраций старинных
к балладе о трех апельсинах.

27 ноября 2022

Далеко

Я родился в роддоме, который построил мой дед
на краю у Кривого — железного, рудного — Рога.
Я не жил в Украине: оттуда за семьдесят лет
и меня, и семью уводили судьба и дорога,
много раз возвращаясь, и каждое Божие лето
моё детство бывало привечено там и согрето;
абрикосы и вишни светились огнями в саду,
из которого я уже здесь никуда не уйду.

Нет занятия странней, чем описывать нынешний ад
в ровных строчках манером старинных октав и баллад,
но и мне, и друзьям эта песня опору даёт,
чтобы выдержать страшные дни и продолжить полёт
в неизвестность над бездной, над картою нового дня,
где херсонское солнце навечно согрело меня,
формируя мгновенно и память мою и мечту
у приборя азовского, в дальнем Железном Порту.

Воскреси и достань мне молекулы генных глубин,
где железом наполнен сияющий гемоглобин,
главный транспорт сквозь кровь для дыхательных наших путей,
через беды отцов сохраняющий память детей.
Мы не камни ещё, но мы крепче осадочных руд;
в наших жилах текут чудеса, и они не умрут
до тех пор, пока длится биение сердца, пока
по артериям, как Ингулец, протекает река

нашей здешней судьбы, и навечно впадает в Дніпро.
Я бы здесь и прервал свою речь, и оставил перо,
но оно уже пишет само, как вязальный крючок;
так на станции в детстве звучал привокзальный сверчок
и накидывал петли, плетя для сибирской зимы
украинское кружево белым узором из тьмы,
чтоб скорей понимали мы новую долю свою,
то, что нам предстоит — тем, кто выживет в страшном бою.

Время — странная вещь, наподобье великой реки,
той, что к морю течёт, несмотря на пороги и плёсы,
на заторы и мели, на береговые наносы,
и в тумане выходит на шуховские маяки,
стерегущие свой эстуарий звездой двойной,
как из Уэллса, упавшие с неба легко и готовно,
вроде башни парижской, где перед Великой войной
обучался мой дед — и вернулся к родителям в Ровно.

Эти деды, строитель и врач, уцелели во тьме
через две мировые войны, вопреки и навеки —
и поэтому я вспоминаю их в новой зиме,
далеко от степей, где текут украинские реки.
Но тот берег одесский, где в детстве я книги читал —
он сегодня со мной, и тетрадь моя миру открыта,
и ложатся слова, и страницы растут, как кристалл,
как хрустальные друзы в кровавых слоях гематита.

27 ноября 2022

Клад

На глинистом склоне великой реки
мой заступ, ударив, разбил в черепки
старинный сосуд, и оттуда на свет,
как затхлая россыпь замшелых монет,
листочками гнилого металла
возникли слова из утерянных дней,
идущие прямо от древних корней,
где мысль порождать перестала
ту связь, что в своей онемевшей горсти
я мог бы сквозь тысячи лет пронести,
очистив от грязи сияющий клад —
но ныне в столетней пустыне расклад
не в пользу ни мысли, ни слова,
ни ткани, что в слове сошлась и росла;
наставшая эра всесветного зла
не даст продолженья живого
ни снам мимолётным, ни сплетням пустым,
ни свиткам забытым, ни книгам святым,
не справившимся с распустившимся злом —
и клад, кем-то заткнутый в шкаф, под стеклом
теряет лучи, что блеснули на миг —
и полки ветшают, ломаясь от книг.

28 ноября 2022

Не птицы

Паря высоко среди перистых Божьих страниц,
стихи суть не птицы: скорее, добыча для птиц,
род жизни питательный, сытный завидный улов
летучих вампиров-мышей и двуглавых орлов,

имперских драконов, затмивших полнеба уже,
смертельных законов судьбы на крутом вираже,
где ящеры древние вовсе не смыты с земли
известным потопом — но птицами в небо ушли.

Нет, песня моя есть не птица, но жизни иной
сигнал отражённый, как огненный лист предо мной,
готовый предстать по мгновенному нашему зову,
доверясь не мысли, о нет — изначальному слову.

Дано нам понять, хотя это и было давно:
в начале, похоже, действительно было оно,
и только оно: ни ума, ни существ, ни природы,
пустые слои атмосферы и вечные воды.

Нам ними оно и летает всегда, порождая
подобных себе, и оттуда спускается к нам,
и в разум стучится, и в плывь подбирается к снам;
и там в небесах собралась их немалая стая,

следящих за нами; невидимых; смысл наших фраз
не чувствующих, но слетающих вниз осторожно
и криком сигнальным и верным встречающих нас,
и этот пронзительный крик не узнать невозможно.

28 ноября 2022

Сорок лет спустя

Выдавливает раба по капле гноя
словами, падающими на лист
бумаги, есть пожизненно-земное,
врачебно-земское задание, пока
еще не кончились ни годы, ни века.

Нас не учили ни семья, ни школа,
что делать в случае, когда гэбист
улыбчиво-приветливый встаёт
из-за стола и руку подаёт,
и говорит, что не для протокола,
а просто хочет поболтать, как с другом —
и голова идет безумным кругом.

Он дьявол, дьявол: вот в его руке
мой черновик, немислимо изъят
из тайных снов, на новом языке,
где мы тогда работали над ролью
и начинали речь свою, смеясь,
гранатовыми зёрнами цитат;
ум лопнул и потёк кровавой болью,
и разорвалась с прежним миром связь.

Когда гэбист встаёт из-за стола
и говорит, что «не желает зла,
но ты же понимаешь, что страна
испытывает трудности, и ты
же не ребёнок» — стены сна

мозг воздвигает в качестве защиты,
и дни текут беззвучно-перебиты,
и слово падает из пустоты,
где тексты были вырваны из рук
и вытряхнуты на пол там, где круг
привязанностей и друзей, и книг
рассыпался в один кровавый миг.

И по сей день, уже который год,
который век приходит он во сне,
и просит подписать, и подаёт
бумагу неразборчивую мне.

Не потянись к зловонному перу!
Мир вовлечён в смертельную игру;
у слишком многих слабая рука
подписывала текст в поддержку зла,
и снова тьма на вещи напозла,
и из неё сочатся кровь и гной.

Возможно, смысл уйдёт, и круг земной,
опять, подобно времени потоку,
замедлится на годы, на века.
Так было и до нас — но что нам проку
в замшелой древней памяти, когда
под бомбами пылают города?

30 ноября 2022

Аэропорт

Проехав на две трети жизнь земную,
доверившись бумажному листу,
я оказался в аэропорту.
На рейс до неизведанного края,
лежащего вне рамок и границ,
мне не давали визу временную-
пространственную. Паспорт предъявляя,
я требовал уныло от девиц
в авиаформе, мало мне известной,
мне объяснить порядок здешних дел,
но я им был объект неинтересный —
а самолёт, конечно, улетел,
и взлётная закрылась полоса.

И в этом сне, как из подпола крысой,
возник советчик нагло-белобрысый
(а может быть, он красил волоса),
и паспорт взяв мой, пролистал страницы,
и стал читать их и остановиться
не мог уже и явно не хотел.

И вокруг него толпа собралась мигом,
он вслух читал историю мою:
каким я доверял друзьям и книгам,
как я бродил по Риму и Парижу,
что я люблю, и чувствую, и вижу,
что думаю, и слышу, и пою.

Все штампы в паспорте сканированы были,
мой каждый шаг на жизненной тропе —
я видел в окружающей толпе,
уже насчитывавшей миллионы,
и страх и ненависть, и клубы пыли
на той дороге, где всегда спешат
беззвучные тюремные колонны
мобилизованных из ада в ад.

Аэропорт, мой бесконечный зал
слепого ожидания чего-то
другого, чем беспечного отлёта!
Я на твоём полу и ел, и спал,
и водочный струился перегар
над той одной шестой замёрзшей суши,
где смрадный продолжается кошмар
и к рейсу подаётся автокар,
чтобы сгрузить отравленные души.

Буфет закрыт, и все ушли на базу.
Не улетит мой рейс в мои края.
Но, к счастью, всё реже вижу я
такие сны: они уходят сразу;
мгновенно просыпаешься в поту,
записывая слово на лету,
которое мне память подсказала,
поймав такси до аэровокзала.

1 декабря 2022

Могли ли мы?

Спускаясь по сухому руслу лет
вдоль вод, ещё не вышедших на свет,
описывая дивную природу,
с собою мы несли в бутылке воду,
поскольку местность та была пуста:
вокруг лежали дикие места,
и не было поблизости колодца —
но нам был придан чин первопроходца,
и мы гордились должностью такой,
своею полевой экипировкой,
и мы питались дымною перловкой,
и песня шла волшебною строкой.

Язычники, пещерные сыны
и дочери утраченной страны,
огнепоклонники, кидающие взоры
на древние развалины и горы
недостижимые, могли ли мы тогда
знать, что за тьма накроет города,
что за вулкан пробьёт кору земную
и на поверхность выбросит дневную
безумного сознания потоки?

Могли ли мы предвидеть — и уроки
из ветхих школьных прописей извлечь?
Ещё была ясна родная речь,
с грамматикою каждый был знаком,
и все прилежно выводили строки,
усердно помогая языком;
там бились бабочки внутри сачка,
и Ленин улыбался со значка.

В районе зла, где действие ума
снежком укроет новая зима,
ещё топорщились следы бывшего,
но строчки басен дедушки Крылова
уже сливались с фильмами Гайдая;
вращался ум, как флюгер жестяной,
и мёрз, как пятка в дырке шерстяной,
весеннего тепла не ожидая.

2 декабря 2022

Ткань памяти

Ткань памяти расчерчена на клетки,
для каждой существуют этикетки,
которые я тщательно храню,
как те карандаши, что я чиню
опасным лезвием — и с острия
стекают смыслы, как с конца копья.

Но гаснет факел мой в пещере змия:
Здесь девы нет; она — мечта и мрія,
Скорей на свет, беги, лети скорее!
Вихрь наполняет белые поля,
И отрастает голова на шее
У нового хозяина кремля.

Не поддавайся дьявольскому сну!
Он чёрн, как дёготь смрадный и тягучий;
нырни в него, уйди на глубину,
где корни бед сплелись во тьме гремучей,
светящейся, как демона лицо:
сквозь тучи монстров опустишь на дно,
найди источник, дёрни за кольцо,
пускай в огне расплавится оно.

Плыви теперь за нами и за мной,
спасаясь от расплавленного ада,
в который нам заглядывать не надо:
там бесы корчатся за каменной стеной.

2 декабря 2022

Из пустоты

Из неопытной пустоты,
куда дверь ещё не закрыта,
раскрываются, как цветы,
буквы нашего алфавита.
На пределе этого света
за недели краткого лета
их наречия и глаголы
над цветами кружат, как пчёлы;
и эпитеты, как плоды,
упадают на грунт холодный;
и вращается цикл природный
среди воздуха и воды.

Отогрей в замёрзшей руке
то, что выловлено в реке
сна и памяти, и в слова
собери остывшие звуки,
сохранившиеся от нас,
и осколки блестящих фраз:
в них ещё моя речь жива,
в них и тлеют искры огня
моего костра здешних лет,
а река унесёт меня
через заводи и излуки
в край, где нашего света нет.

3 декабря 2022

Каналы памяти

Я ворот памяти вращаю:
я отдаю, я возвращаю
всё то, что мне досталось даром,
всё, что вошло по капиллярам
в колодец сна из грунта лет,
иссохшего на их излёте.

Но прежних звуков больше нет,
а те, что есть, уже не те;
давно застряли в нашей плоти
слова, которые не знали
ни о конце, ни о начале,
не разлагаясь в мерзлоте.

Одревесневшие каналы
уже не впитывают влагу,
и текст осядет на бумагу,
в её исписанные стопы,
в недогоревшие анналы
о смерти мира и Европы.

7 декабря 2022

Есть время

Алику Гомельскому

Возможно, что мысли суть только слова:
а значит, материя их не жива,
но в ритме дневном и недельном
нам кажется целым и цельным,
как капли в потоке, имеющем цель,
текущем по карте далёких земель,
в котором сквозь годы не видно меня
под солнцем того украинского дня,
где в жаркое лето лимана,
как некая горняя манна,
сплошная струя откровений лилась,
где дивная ткань ежедневья плелась,
и нам это было не странно.
Есть мысль и есть время; а вот ещё есть
старинной бумаги немалая десть.
И если писать каждый час по листу,
— а в дести есть двадцать четыре листа —
то наша задача довольно проста:
нам надо заполнить сегодняшний лист,
который прочтёт после нас архивист,
без страха смотря в пустоту.

7 декабря 2022

Слова слетаются

Слова слетаются ко дню,
что брезжит через слой дремоты,
как бабочки на простыню,
растянутую для охоты

на этих чуждых тварей, зря
сгореть желающих в огне
немеркнувшего фонаря,
подвешенного на окне.

К рассвету холод настаёт
и слов танцующий полёт
замедлился; перо немеет;
свеча ума чадит и тлеет.

А в высоте, поверх тумана,
приветствуя и обучая,
раскрылись бездной небеса;

туда бы хоть на полчаса
слетать, вернуться, и тимьяна
нарвать для утреннего чая.

7 декабря 2022

Почему

Почему и ущелья мои, и леса,
и оливковые сады
сохраняют ушедшие голоса
и утраченные следы
вдоль пространства морской воды,
там, где боги ушли, смеясь?

Почему не сгорает связь,
не стираются кадры дней,
тех, где мир казался плотней?

В той пустыне, где чуждый храм
воздвигается вдалеке,
память — орган, ненужный нам —
увязает в моём песке.

И пока колеблется он,
тот огонь чадящих высот,
геометрия сладких сот
застревает в зубах у сна.

Но свеча ведёт в Вавилон,
и обратно ведёт она.

9 декабря 2022

Наверх

Тропа между камней ведёт — тропа,
где спотыкается моя стопа.

Здесь мы вступили в стадию иную,
подземному огню не дав заслону;
здесь мелкий щебень сыпался по склону
и демоны бросались врассыпную,
противные, но юркие, как мыши.

За дюймом дюйм мы поднимались выше,
протискиваясь в щели меж камней,
ведомые инструктором, с которым
мы провели в горах немало дней,
но редко предавались разговорам.

Вон там, на гребне нижнего хребта,
мы давней ночью пели у костра,
и огненных событий пустота
текла в дневник с замёрзшего пера.

Здесь многие и слепли, и немели;
мы забываем чуждый мир, куда
уже нам не вернуться никогда:
в нём нет ни направления, ни цели.

И мы глядим из дальней перспективы,
с восточных гор, покрытых слоем льда,
и различаем наши города
и улицы, где вспыхивают взрывы.

10 декабря 2022

Малый звук

Татьяне Вольтской

Зацепиться за малый звук
и не выпустить слов из рук;
и, не делая резких движений,
отделить от кошмара свет;
зачерпнуть из ручья воды,
содержащей в себе следы
неизвестных соединений.

Здесь в течение ряда лет
мы и жили, и здесь текла
неопознанная струя
дикой горечи бытия
через залежи тьмы и зла,
с вкусом ягоды и цветка,
отпечатанным в наших снах.

Мы способны ещё пока,
пробираясь в глухих местах
по колено в мокрой листве,
собирать в своей голове,
выводить пером на листе
то, что было раньше для нас
недоступно, и в пустоте
исчезает быстро сейчас,
где слова мои, пеной в игре
волн понтийских, не дав следа,
растворяются, как всегда,
в наступающем декабре.

12 декабря 2022

Возможно ли

А для низких целей были числа.

Николай Гумилёв

Возможно ли писать, как ранее писали?
Возможно ли читать, что ранее читали?
Ни мир Карамзина, ни юмор Кантемира
уже не воскресит умолкнувшая лира.
Наш ветхий алфавит теряет на лету
то крепкий ер, то многомудрую фиту,
завещанную греками, то ять,
забыв, откуда он и где он мог стоять —
зато заимствован у зомби злобный зед
и фау адское сменило знак побед,
и вслед за ними сонмы тёмных рун
влекут с собою недовикинг и постгунн.

Я вижу азбуку, ещё живую,
но в ней для наших букв не будет места,
когда историк вместо палимпсеста
судье предъявит запись цифровую,
и, уплативши по счетам сполна,
иллюзий здешних более не строя,
мир станет жить не словом, а числом,
и прежний век от своего челна
он оттолкнёт, как Одиссей веслом,
давно забыв, зачем сторела Троя.

13 декабря 2022

Из какого сора

Из сора, да; из сорома; из ссор;
из ящичков, хранящих всякий вздор;
из лампы, где перегорела нить;
из мусора миров, оставшегося гнить
на чердаке времён, где пыль пространств межзвездных
сгорает на спирали, всем открытой;
из сбитой обуви; с тропы избитой;
из мёртвых строк; из действий бесполезных —

мы извлекаем рифм пернатые тельца,
и нижем на шнурок, и вялим их в тени;
дверь распахни и погляди с крыльца:
готовы ли они?

13 декабря 2022

Вдруг

Памяти Максимилиана Волошина

Вдруг стало видно далеко, во все
четыре стороны да-будет-света:
сонм диких трав в сияющей росе,
и стены гор на красной полосе
под быстрый маятник зимы и лета.

Зажмурившись, сжимаясь и немея,
начать не в силах с чистого листа,
моё перо на карте Птолемея
само обводит скорбные места
Сарматии и смежные пустыни,
и снежные завалы на века,
где нашим внукам выжить суждено.

Печать снята. Отныне не легка
печаль моя. Сон Иоанна ныне
сбывается. Терпение богов,
я думаю, закончилось давно,
и сам Гефест плюет гавайской лавой
на этот век бессмысленно-кровавый
у наших киммерийских берегов.

Слова заканчиваются. Их суть кратка.
Не в силах мысль поднять — как и не мог
её поднять её создавший бог, —
слова сочатся, капая на скалы,
пока ещё лавина не сошла
с высот, где боги сдвинули бокалы,
прощаясь с миром света и тепла.

13 декабря 2022

Двести лет

*Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена.*

Ф. Тютчев

Через три года, двести лет
исполнится с тех давних пор
как в снег уронен пистолет —

но будут ли ещё три года?
На троне взгромоздился вор
и навсегда ушла свобода.

14 декабря 2022

Гипотеза

В науке есть гипотезы любые,
на всякий вкус; действительно, одни,
вполне обычные в литературе,
нам долго обещали дни златые,
но быстро замолчали в наши дни,
реальность ощутив на личной шкуре.
Их больше нет. Но есть ещё другие:
вдруг смысл текущего потока тьмы
есть свет, которого не видим мы?

Вдруг глаз не экипирован природой
для восприятия его волны?
А значит, мы навечно суждены
метаться между рабством и свободой,
которых, за отсутствием души,
не различают нервные каналы?
Мне говорят: давай же, напиши
статью, пошли в научные анналы,
опубликуй гипотезу свою!

Но я гляжу — и я не узнаю
меняющихся спектров и частот:
здесь телефоны падают из рук,
мир движется под шум глушилок слитный,
и я не слышу сам, о чём пою.

Так радиоприёмник мог бы вдруг
понять, что Моцарт есть сторонний звук,
что это импульс электромагнитный,
сходящий от невидимых высот.

17 декабря 2022

Когда на солнце

Когда на солнце возникают пятна,
людская речь становится невнятна,
ум мутен, взгляд расслаблен, сон нейдёт,
и как войска, ведомые Навином
в ледовый ослепительный поход,
взвываем мы в глухие небеса:
услыши нас, Господь! останови нам
вращение миров на полчаса!

Восстанови нам веру в чудеса,
чтоб мы сумели и иметь, и быть,
и жизнь убрать за пазуху, и скрыть
от тления, от жадных, диких глаз
тех, кто сюда нахлынет после нас.

Ещё в союзе вещество и поле,
и диск золотой не выветрила мгла,
но мозг пронзает острая игла
возмездия и совести — доколе
мир будет потакать посланцам зла?

17 декабря 2022

Похоже

Похоже, что всё, что копилось за долгие лета
в тех самых сусеках, в неясных отсеках ума,
в секретных сегментах архива, открыло тома
листов показаний, пригодных на страшном суде.
Их видят не только эксперты. Всегда и везде
мы все наслаждались бесплатно потоками света,
но нам никогда его сущность не будет ясна,
поскольку он есть и частица, и также волна,
а ум человеческий это не может вместить,
он так не работает. Да и понятно давно,
что двойственность мира в пределах своих допустить
сознание не в силах, пока существует оно.

А память ещё многомернее: вроде камней
осадочных, мхами покрытых, в которых слои
то вдуг обнажатся, то ветром с водою в песок
сотрутся, то вспыхнут огнём, как гранатовый сок
в хрустальном стакане. Возможно ли справиться с ней?
Она ведь проворнее света; незримой волны
сильнее и глубже; расставила сети свои;
и мы ей, я думаю, в общем, почти не нужны.

Да, память — архив, но особый: всегда и сейчас
её наслоения с нами, над нами и в нас,
и детские наши слои никогда не умрут,
впечатаны в мягкий асфальт, где сверкал изумруд
на марке квадратной, из тех драгоценных камней
у Ферсмана в книге, что сплывались с маревом дней,
с варёным сгущённым, приставшим к зубам молоком,
вне внешней эпохи, с которой я был незнаком,
ушедшей в болото, на бархат в небесную тьму.
Доступный всего лишь уму в оболочке телесной,
нас мир окружает затерянный и неизвестный,
чью цель и устройство я вряд ли когда-то пойму,

17 декабря 2022

Чёрный лёд

Вкус ягоды прозрачной барбариской
окислился на высохших устах;
так мы гордились временной пропиской
в серебряном и золотом веках.

Пока ещё понятны их слова,
известны ноты общие — но нам
уже не суждено вступить в права
наследования тем временам.

Под светом солнц, сместившихся с орбит,
смысл кончился, стерилизован стыд,
иссякла движущая сила.

Лёд, чёрный лёд повис на проводах;
златыми блёстками в надвинувшихся льдах
вчерашняя поэзия застыла.

19 декабря 2022

Водород

Пока безмолствует народ,
летя стремглав в водоворот,
как пыль среди пространств межзвездных,
пока страна, как глыба льда,
повисшая в кровавых безднах,
сочится завистью и злобой —
веков тяжёлая вода
содержит водород особый.

Не тот, легчайший и свободный,
что создал сущие миры
путём безудержной игры,
над коим веял дух исходный —

но тот, чей в сердце звёзд огня
сгорает прах; чей тёмн дух;
в ком три частицы вместо двух;
чей свет питает и меня.

24 декабря 2022

2023

Мы наблюдаем следующий год,
где распадается культурный код
на мёртвые куски от Вия до анчара,
среди кровавого кошмара,
как бы резвяся и играя
от финских скал до стен Бахчисарая.

Закончился тот век, когда года
могли тянуться долго. Ныне вскачь
несётся мир; фореитором — палач,
болотный призрак вечной мерзлоты,
плюющийся огнём из пустоты
через пространство смерти, с волн Хазара.

Вот участь покорённых и покорных:
стать кровью недр в подземных жилах чёрных;
история уже не будет гладкой:
грядёт суровый двадцать третий год,
где новое проклятие падёт
на тех, кто попытался жить над схваткой.

25 декабря 2022

Последние дни

Мир, он ведь изменился навсегда?
Вся наша жизнь теперь — горячая вода
из тех слоев палеозойской тьмы,
где спрессовались страсти и умы.
Как странно видеть ход последних дней
из недр истории, не расставаясь с ней,
живя по-прежнему её последним мигом,
но более не веря снам и книгам.

Что этот мой александрийский слог?
Он ни Ипатию спасти не смог,
ни прочих, вовсе не известных нам;
да и существовал ли древний храм,
завещанный в тех текстах — или снова
поэт тогдашний изготовил миф-
фантазию, переплавляя слово,
кинжал ума о камень обломив?

Что слово против камня, против скал?
Их подымается великая стена
на том пути, где есть тропа одна,
которой я еще не отыскал,
сквозь марши и лиманы, через дюны.
Вот, вот её пунктир на карте лет,
куда и упадёт последний свет
луны — и мы увидим эти руны,

и я попробую запомнить их.
Я, может быть, сейчас пишу последний стих;
пока ещё метается рука
над разворотами черновика,
я в горсть собираю все слова, что снова
и снова опускаются ко мне,
как ангелы в высокой глубине
во власти притяжения земного.

26 декабря 2022

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД

1.

Казалось, вечность — а всего два года
прошло! И без журнала моего
я помню всё про день двадцать шестого
(по-старому, четырнадцатого);
уже в Европе было Рождество,
и Константин всё слал свои депеши,
но в стенах Зимнего уже открылись бреши
от наших залпов с площади, пока
сквозь вскрытый лёд не хлынула река.

Мы взяли власть тогда не без утрат:
пал Трубецкой, на штурм ведя солдат,
но кровь отмстилась новому царю.
(Да, я об этом прямо говорю,
хотя у нас в свободной Боспориде
и во дворце Совета Девяти
не принято жалеть о регициде
и за него ответственность нести.)

Мы в памяти храним грехи свои;
ведь многие виновны в том расстреле
и Николая, и всей его семьи
на столбовой дороге, что вела
в Санкт-Петербург из Царского Села.
И что честней: публично или тайно?
У всех нас были нервы на пределе,
Не знаю, чья команда то была,
но многие отдать ее хотели.
(Там и Жуковский был убит случайно.)

2.

Ах, бунт российский! Что бы написал
наш гений, Пушкин, если б не удрал
он в Альбион туманный среди свары?
Какие бы представил он кошмары?
(Он Годунова описал как раз).

Возможно бы, он стал одним из нас;
теперь он пешка в аглицких мирах,
где, говорят, и проигрался в прах.

И Польша отложились в две недели,
и Гетманство, не враг, но и не друг,
взирающее сумрачно на юг:
его не взяли мы, хотя имели
давнишние на Меотиду виды —
но мы уже смотрели из Тавриды,
и дух свободы в нас тогда пылал,
пока Китай стремился за Урал.

Мы все горели древнею мечтою:
нам Байрон был звездою путевою,
угасшей в Миссолонги в тридцать шесть.
Поэт ушёл в горячечном бреду,
но он зажѐг для нас свободы весть,
светя, как Вифлеемская звезда,
взрывая княжества и города,
освобождая греков и славян.

Так гибли и мои друзья от ран
в Саксонии в тринадцатом году —
пятнадцати ведь лет и не прошло;
история убыстрилась стократ,
картечью в нас события летят,
и дни гудят и бьются о стекло,
как бражники, летящие на свет,
и кажется, что времени и нет.

3.

Уже в апреле, времени не тратя,
отмстить за дочь убитую и зятя
пошёл на нас Фриц-Вилли из Берлина
всей мощью прусскою. За ним была
вся свято-европейская махина;
Романовых бездарная корона
досталась Константину, но она
за смертью его упразднена;
поляки взяли сторону Бурбона,
Москва была при этом сожжена.
И начался раздор в имперском стане,
и хлынула гражданская война —
и новой пугачёвщины волна
разлита от Казани и до Пскова.
Дон сообщил, что не поддержит нас.
А шах, конечно, взял себе Кавказ.

Но мы, Соединённые Славяне,
с душою, что давно на бой готова,
от петербургской битвы далеки,
сумели сохранить свои полки,
все части, что тогда пошли за нами,
и двинулись на юг, на Крым, с боями,
соединясь с Черниговским полком
Матвея и Сергея Муравьёвых.

Здесь наступает год событий новых,
и чудом стали силы прирастать:
тогда уже нас было тысяч пять.
К нам присоединялись племена,
бродившие от Волги до Дуная,
что жили, рабской участи не зная;
открыв дорогу новым племенам,
мы шли на Крым, и Крым достался нам:
то был бросок немислимый и дерзкий.

4.

И — чудо! Уцелевший флот имперский,
из Балтики тогда уйдя, вокруг
Европы с битвами прошёл на юг —
и Наварин для нас настал тогда:
турецкий флот был нашему неравен,
и с нами были Гейден и Сенявин,
и Порту разгромили навсегда.

История неслась на вираже —
так мы, восставшие на власть, зажгли
во тьме веков, в извечной мгле, в тумане
огонь освобождения земли.
Он сжёт немало сёл и нив. Могли
ли мы терпеть, когда селяне
отказывали в хлебе, фураже?
Да, мы зачинщиков в иных местах
конечно, вешали на воротах.
Сам древний Александр не мог иначе:
кто старостою, тот и виноват;
как ты удержишь страждущих солдат,
дай им разграбить лавку да корчму;
здесь страсть не покоряется уму,
и разум уступает бой удаче.

Но войска дух был новый, молодой;
мы не были монгольской ордой;
наш вихрь пылал по диким рукавам
Дуная, по эгейским островам,
и турку не давали мы пощады,
неся освобождение Эллады,
и все ветра сопутствовали нам:
как Святослав в языческие годы,
мы плыли в Понт в преддверии свободы.

5.

Смотри, мой сын: за эту пару лет
мы разожгли огонь и дали свет;
грядущее на нас глядит из тьмы,
пытая, вопрошая торопливо:
что там у вас? Что умерло? Что живо?
Что сделано? Что выполнили мы
за полтора доставшихся нам года?
Где пресеклась, где выжила свобода?
Где счастье взросло, где правит горе?
Я признаю, что ныне мы в раздоре:
вчерашние соратники-друзья
теперь — феодосийские князья,
владыки отделившейся Тавриды.

Но мы не копим новые обиды,
Республика Босфорская крепка:
ей грек дает весь опыт моряка,
и славянин дунайский хлеб растит.
Пусть мы недавно уступили Крит
пиратам берберийским; пусть теснит
с востока нас безумный калифат;
пусть император строит вдоль Дуная
преграду наподобье пирамид,
(ты говорил — уже стена сплошная,
подобно как на севере Китая?..) —
но нам уже нельзя остановиться,
и наш не прекращается поход!

Теперь Боспóрополь — моя столица,
мною переименованный Царьград.

И год кончается двадцать седьмой,
оставшийся в истории, как мой.

Твоим же будет следующий год.

6.

Сейчас декабрь — но следующим летом
труба взвѣт! Теперь узнай об этом:
ты поведѣшь на юг мои войска,
как Тит повѣл войска Веспасиана,
и это будет подвиг великана,
и твой успех запомнят на века
все вновь образовавшиеся страны,
где наша власть останется крепка
и перекинется за океаны.

Тогда падут оставшиеся стены,
ты вырвешь начисто османский кнут;
к нам все освободители примкнут,
и бонапартовы воспрянут ветераны;
со всей Европы двинут филэллены,
поэты, воины и мудрецы,
как Байрон, пылкие, в одном порыве слиты;
рекруты Сербии, болгарские бойцы,
катафрактарии и новые гоплиты
Свободной Греции пойдут за нами
под православным знаменем твоим —
и мы республиканскими штыками
в двадцать восьмом возьмѣм Иерусалим!

14–16 декабря 2022

Об авторе

Виктор Фет — биолог, родился в 1955 г. в Кривом Роге, вырос в новосибирском Академгородке. Предки — из Одессы, Ровно, Умани, Елисаветграда, колонии Добрая. Увлёкся зоологией с детства, путешествуя туристом с родителями по берегам Одесской и Херсонской областей. Окончил НГУ. В 1976–1987 работал в заповедниках Туркмении. С 1988 в США, с 1995 преподаёт биологию в Университете Маршалла (Западная Виргиния). Специалист по скорпионам (!), редактор журнала «Euscorpius», автор научных статей и книг по зоологии, эволюции, истории науки. Редактор и составитель книг «Биогеография и экология Туркменистана» (1995) и «Биогеография и экология Болгарии» (2007) (на английском языке). Переводчик монографий «Симбиогенез» (2010) и «Заря генетики человека» (2013) на английский язык. Стихи публиковались в журналах «Литературный европеец» и «Мосты» (Франкфурт), «Слово/Word» и «Времена» (США), в литературных ежегодниках «Встречи», «Побережье», «Альманах Поэзии», «Связь времён» (США), и т. д. Изданные книги стихов: «Под стеклом» (2000), «Многое неясно» (2004), «Отблеск» (2008), «Известное немногим» (2013), «По эту сторону» (2016), «Доллина доля, или Мутантный Мутон» (2017, по-русски и по-английски); «Вскипает лава» (2022); «Над бездной» (2022); а также научная фантазия «Алиса и машина времени» (2016, по-русски и по-английски). Переводчик стихов Роальда Хоффманна. Редактор-консультант издательства Everture (Шотландия) по переводу Льюиса Кэрролла на новые языки. Первым (1975) перевёл на русский язык поэму Кэрролла «Охота на Снарка». Автор статей по творчеству Кэрролла, Набокова, Евгения Шварца. Основатель студенческого театра «Феномен» (НГУ, 1975–1976). Составитель сборников «День русской зарубежной поэзии» (Франкфурт, 2019–2022). С марта 2022 — модератор еженедельного подкаста MUkraine в своем университете (живые интервью со свидетельствами о войне в Украине). E-mail: fet@marshall.edu

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ TEXTUM @RANEUM

Заснована у 2010 році

Віктор Фет

Ткань пам'яті

(російською мовою)

На обкладинці: Європейська Сарматія. Птолемей, Восьма карта Європи.

(Noord Oost Europa volgens Ptolemaeus, Ulm, 1482).

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60 x 84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 2437

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 8,6

Гарнітура «Times New Roman».

Підписано до друку 25.12.2022 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виговлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виговлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.